

Я БЫ ПРОЖИЛА
ТВОЮ ЖИЗНЬ ЛУЧШЕ,

БУДЬ
У МЕНЯ
ТВОЕ
ЛИЦО

ФРЭНСИС ЧА

18+

Всемирный бестселлер

Фрэнсис Ча

Будь у меня твое лицо

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-311.2
ББК 84 (7Coe)

Ча Ф.

Будь у меня твое лицо / Ф. Ча — «Издательство АСТ»,
2020 — (Всемирный бестселлер)

ISBN 978-5-17-137336-8

Пять девушек. Пять тяжелых судеб. Один офистель. Эту комнату снимает Кьюри. Она работает в рум-салоне – так в Южной Корее скромно называют клубы, где мужчины из высших кругов могут выпить в приятной компании красивых девушек, а потом, возможно, продолжить с ними вечер в гостиничном номере. Однажды сделав пластическую операцию, Кьюри больше не может остановиться. Если ты некрасива в этой стране, у тебя просто-напросто нет будущего. Соседка Кьюри, талантливая художница Михо, выросла в приюте, но выиграла стипендию и уехала изучать искусство в Нью-Йорк. Она влюблена в обаятельного наследника одной из крупнейших корпораций страны. Но разве не очевидно, что он пользуется ее слепой влюбленностью?.. В комнате в конце коридора живет Ара, парикмахер, одержимая к-рор-айдолом. Разве он – не самый идеальный парень на свете? А лучшая подруга Ары Суджин одержима мечтой о пластической операции, которая, конечно же, изменит ее жизнь. Вонна, этажом ниже, отчаянно хочет родить ребенка, но понятия не имеет, как его растить на жалкую зарплату ее мужа...

УДК 821.161.1-311.2
ББК 84 (7Coe)

ISBN 978-5-17-137336-8

© Ча Ф., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Ара	6
Кьюри	13
Вонна	20
Михо	28
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Фрэнсис Ча

Будь у меня твое лицо

Ара

Суджин одержима карьерой в рум-салоне. Сегодня она пригласила живущую напротив Кьюри в нашу квартиру, и мы втроем, устроившись на полу треугольником, разглядываем из окна улицу. Она пестрит и сверкает барами. Мимо плетутся пьяные мужчины в деловых костюмах, размышляя, куда бы завернуть на следующий круг алкомарафона. Уже поздно, и из бумажных стаканчиков мы попиваем соджу¹.

Кьюри работает в «Аяксе», самом дорогом рум-салоне в Нонхене. Мужчины водят туда клиентов и партнеров, чтобы в темных продолговатых комнатах за мраморными столами обсудить дела. Я ушам не поверила, узнав от Суджин, сколько эти бизнесмены платят девушке вроде Кьюри за ночь – чтобы та просто сидела рядом и наполняла их стаканы спиртным!

До знакомства с Кьюри я даже не слышала о рум-салонах, но теперь, зная, на что обращать внимание, вижу их в каждом переулке. Снаружи они практически незаметны. Указатели прячутся над затемненными лестницами, ведущими в подземные миры. А в этих мирах мужчины платят за возможность побыть напыщенными королями.

Суджин хочет тоже найти работу в этой сфере – ради денег. Сейчас она выпрашивает, где Кьюри исправила себе форму глаз.

– Я сделала пластику в Чхонджу, – с сожалением говорит Суджин. – Роковая ошибка. Просто посмотри на меня.

Она широко открывает глаза. Да, слишком высоко пришитая складка правого века придает ее взгляду лукавости и раскосости. И даже если не обращать внимания на эту асимметрию, из-за чересчур квадратных черт лица Суджин сложно назвать красивой по чисто корейским канонам. К тому же ее нижняя челюсть чересчур выдается.

Кьюри же, напротив, добилась невероятной красоты. Швы на ее двойных веках естественно-незаметны, нос слегка вздернут, скулы сужены, а заостренный подбородок очарователен – благодаря реконструкции челюсти. Длинные перистые ресницы наклеены вдоль татуажных стрелок на глазах, а регулярная светотерапия делает кожу молочно-белой и сияющей. Совсем недавно Кьюри без умолку рассказывала о масках из листьев лотоса и керамидосодержащих добавках, улучшающих вид зоны декольте. Лишь одно в себе Кьюри, как ни странно, не тронула – волосы, темной рекой ниспадающие на спину.

– Какой я была глупой. Мне следовало подождать еще пару лет. – Бросив на идеальные черты Кьюри очередной завистливый взгляд, Суджин вздыхает, смотрит в маленькое зеркальце и добавляет: – Бесполезная трата денег.

Вот уже три года мы с Суджин снимаем квартиру на двоих. Мы вместе ходили в среднюю и старшую школу в Чхонджу. Старшая школа – профессиональное училище, потому учеба там длится всего два года, но Суджин не закончила даже ее. Она всегда рвалась в Сеул, лишь бы сбежать из детдома, где выросла, и после первого года учебы решила попытать счастья в академии парикмахерского искусства. Однако с ножницами она управлялась неважно, а портить парики оказалось затратно, потому Суджин ушла оттуда, предложив мне занять ее место.

Теперь я – полноправный стилист, и несколько раз в неделю, ровно в десять утра, Суджин приходит ко мне на мытье и сушку головы, а потом отправляется в свой маникюрный салон.

¹ Традиционный корейский алкогольный напиток. Изготавливается в основном из сладкого картофеля или из зерна.

Несколько недель назад она привела мне новую клиентку – Кьюри. Для маленьких парикмахерских ухватить девушку из рум-салона – большая удача и выгода: таким каждый день нужны профессиональная укладка и макияж. В Кьюри меня раздражает одно: иногда она разговаривает слишком громко, хотя Суджин объяснила ей, что у меня нет проблем со слухом. А еще за спиной я часто слышу, как она шепчется о моем «положении» в парикмахерской. Однако, мне кажется, она делает все это не со зла.

Суджин тем временем продолжает жаловаться. Она переживает из-за век, сколько я ее знаю, – и до, и после операции. Оперировавший ее доктор был супругом одной из наших преподавательниц и занимался мелкой пластической хирургией в Чхонджу. В тот год около половины учащихся школы сделали операции на веках, потому что преподавательница предложила скидку пятьдесят процентов. Другая половина, включая меня, не могла себе позволить даже этого.

– Я так рада, что мне больше не нужны операции, – признаётся Кьюри. – Я хожу только в одну клинику, лучшую и старейшую в «Поясе красоты» в Апгуджонге. Такие актрисы и певицы, как Юн Минджи, тоже часто там бывают.

– Юн Минджи! Обожаю ее! Она такая красивая. К тому же она очень приятный человек. – Суджин с восхищением смотрит на Кьюри.

– Эх. – На лице Кьюри читается досада. – Да уж, с ней точно все в порядке. Думаю, она ограничилась лазерной шлифовкой, когда после съемок нового шоу у нее появились веснушки. Эти съемки проходили в деревне, только представь, сколько там солнца!

– О да, нам нравится это шоу! – Суджин пихает меня локтем в бок. – Особенно Аре. Она с ума сходит по тому парню из бой-бенда «Краун», самому младшему! Видела бы ты, как она каждую неделю после окончания программы слоняется по комнате.

Делая вид, что хочу ее стукнуть, я качаю головой.

– Тэин? Я тоже считаю, что он милашка! – Кьюри снова говорит слишком громко, и Суджин с огорчением смотрит на нее, затем – на меня. – Его менеджер иногда ходит в «Аякс» с другими мужчинами. Эти типы носят самые облегающие костюмы, какие я когда-либо видела. Вероятно, они инвесторы: менеджер всегда распинается перед ними о том, насколько Тэин популярен в Китае.

– С ума сойти! В следующий раз напиши нам сообщение. Ара все бросит и побежит к тебе, – с улыбкой просит Суджин.

Я хмурюсь и достаю записную книжку с ручкой – их я предпочитаю телефону. Писать от руки – это же почти как говорить.

«Тэин слишком юн, чтобы ходить в такие места, как “Аякс”», – пишу я.

Кьюри наклоняется и смотрит на текст.

– Чунг Тэин? Он наш ровесник. Ему двадцать два.

«Это я и имею в виду».

Кьюри и Суджин смеются.

Суджин ласково называет меня «иногонджу», или «русалочка». Это потому, говорит она, что русалочка потеряла голос, а затем снова обрела его и жила счастливо. Я не уточняю, что это мультфильм, к тому же американская версия. В оригинальной истории героиня кончает жизнь самоубийством.

Мы с Суджин познакомились на первом году обучения в средней школе, когда нам поручили работать на тележке с бататом. Многие подростки в Чхонджу так зарабатывали себе зимой на карманные расходы: стояли на углах заснеженных улиц, жарили батат в маленьких жестяных бочках на углях и продавали на несколько тысяч вон каждый. Разумеется, этим занимались только плохиши, те, кого называют илджин – бандой; такие есть в каждой школе. Ботаники же

были заняты подготовкой к вступительным экзаменам и ели ланчи из милых маленьких коробочек, которые по утрам собирали им мамы. Опять же, те, кто торговал бататом, были *хорошими* плохишами. По крайней мере, за деньги мы предлагали людям хоть что-то. Настоящие плохие ребята отнимали деньги просто так.

За лучшие уличные углы велись жестокие бои, и мне очень повезло оказаться в паре с Суджин: она умела быть безжалостной. Прежде всего она научила меня пользоваться ногтями. «Ты можешь выцарапать ими глаза кому угодно или пробить дыру в горле, если захочешь. Но твои ногти должны быть достаточно крепкими и длинными, чтобы не сломались в критический момент. – Она осмотрела мои и покачала головой. – О да, эти точно не сломаются». После этого она посоветовала мне укрепляющие витамины и уплотняющий лак.

В те времена я еще могла говорить. Мы с Суджин шутили, и пели, везя тележку, и во всю глотку кричали, заманивая прохожих: «Батат полезен для вашей кожи! Он делает вас здоровее и красивее! А еще он такой вкусный!»

Несколько раз в месяц старшеклассница Нана, уступившая нам свой завидный угол, забирала полагавшиеся ей пошрины. Она была популярным членом илджин и после серии легендарных драк отвоевала себе целый район. В последней она все же сломала мизинец и на время выздоровления передала нам свою территорию.

Нана периодически отвешивала оплеухи всем девочкам в школьных туалетах, но меня любила: я была единственной из банды, у кого не было парня. «Ты знаешь, что главное в жизни, – всегда говорила она мне. – А еще ты выглядишь невинной, и это здорово». Я благодарил ее и низко кланялась, а затем она отправляла меня за сигаретами. Хозяин магазина на углу не продавал их ей: ему просто не нравилось ее лицо.

Думаю, я знаю, почему Суджин так помешана на внешности. Она выросла в «Лоринг-центре», который все в округе считали цирком уродов. Здесь жили не только сироты, но также инвалиды и умственно отсталые. Суджин рассказывала, что ее родители погибли, когда она была совсем ребенком. Но недавно мне пришла в голову мысль, что ее вполне могла подбросить в приют какая-нибудь молоденькая девушка. Возможно, мама Суджин тоже работала в рум-салоне.

Я всегда говорила, что мне нравится навещать Суджин в «Центре»: там хотя бы никто за нами не следил. Мы могли пить любые просроченные напитки, пожертвованные продуктовыми магазинами, и без лишних вопросов припарковывать тележку с бататом. Но, по правде говоря, иногда мне становилось не по себе при виде ковыляющих по территории инвалидов и сиделок, бубнящих им что-то монотонными голосами.

– Не хочется говорить об этом, но Тэин делал реконструкцию там же. Мне проболталась менеджер клиники. – Кьюри бросает на меня лукавый взгляд. Я пристально смотрю в ответ, и она пожимает плечами. – Я к тому, что у них лучшее в мире хирургическое оборудование. Было бы глупо *не* исправить лицо там, если хочешь быть звездой. – Она медленно поднимается и по-кошачьи потягивается.

Мы с Суджин, не сводя с нее глаз, тоже начинаем зевать. Втайне я обижаюсь на Кьюри за сплетни о Тэине. Не верится, что он себе что-то исправлял – разве что вставил виниры². У него даже нет двойных век.

– Подожди, ты ведь говоришь о клинике «Золушка»? Да? Я права? – Глаза Суджин сужаются.

Кьюри кивает.

– Я слышала, там работают лучшие выпускники Сеульского университета!

² Фарфоровые или керамические накладки, замещающие внешний слой зубов.

– Именно, там даже есть стена, увешанная фотографиями врачей, и в каждом описании указан Сеульский университет. Журналы называют это место «фабрикой красоты».

– И главврач очень именитый? Доктор Шин или как-то так?

– Доктор Шим Хек Санг. К нему всегда огромная очередь, люди записываются на месяцы вперед. Доктор понимает, что будет в моде, еще до того, как появится тренд, и знает, как девушки хотят выглядеть. Это так важно, понимаете?

– Точно, он! Я читала о нем в «Бьюти хакере». На прошлой неделе они написали про Шима большую статью.

– Он очень приятный человек. И талантливый!

Кьюри машет рукой перед своим лицом, подмигивает и пошатывается. Присмотревшись, я замечаю: она совершенно пьяна.

– Он правда твой доктор? – Суджин подается вперед. Я тут же понимаю, к чему все идет.

– Да. Одна подруга познакомила нас, и мне не пришлось платить столько, сколько он обычно берет. Сама она исправила себе линию роста волос и икры.

– Потрясающе! – Суджин скачет на месте. – А могла бы и ты порекомендовать меня? Мне *очень* нужно исправить челюсть, а в статье говорилось, что он как раз специализируется на челюстно-лицевой хирургии.

Суджин несколько недель планировала расспросить об этом Кьюри; скорее всего, даже с самого знакомства. Подруга часто говорила мне, что у нашей соседки самый красивый подбородок, который она когда-либо видела.

Кьюри долго не сводит с Суджин глаз. В неловкой тишине она тянется за очередной порцией соджу, и я наливаю ей еще стаканчик, добавив немного холодного, сладкого «Якульта»³. Увидев этот нехитрый коктейль, она морщится.

– Послушай, не хочу сказать, что сожалею о решении сделать челюстную хирургию, – она изменила мою жизнь. И не хочу сказать, что не изменит и твою, – наверняка изменит. Но я до сих пор не уверена, могу ли порекомендовать кому-то эту операцию. К тому же доктор Шим очень занят, и клиника невероятно дорогая. *Слишком* дорогая, даже без премиальных. Доктор берет только наличными. В клинике принимают и карты, но тебя заманивают такими скидками при оплате наличными, что выбора не остается. Как бы там ни было, процедуры дорогие, если только ты не актриса, подписавшая контракт с крупным агентством, – тогда оно может тебя спонсировать. – Кьюри ставит стаканчик с остатком соджу на место и хлопает ресницами. – Иначе придется взять где-нибудь деньги в долг, а проценты выплачивать всю жизнь.

– Что ж, пусть эта инвестиция станет самой крупной в моей жизни, к тому же я долго собирала деньги. – Суджин вскидывает голову и смотрит на меня.

За работу с ее волосами я не брала ничего – так она смогла подкопить денег. Это самое малое, что я могу для нее сделать.

– Я не знаю, какую сумму тебе удалось собрать, но ты поразись, увидев итоговый счет. Одной операцией дело никогда не обходится, – говорит Кьюри.

Позднее мы с Суджин будем обсуждать, почему соседка отговаривает мою подругу от операции. Ей неудобно обращаться к доктору Шиму с просьбой? Или она опасается, что Суджин станет похожей на нее? Почему Кьюри не хочет, чтобы жизнь Суджин изменилась?

Кьюри со вздохом сетует, что вообще не может копить деньги. Суджин говорила, что работающим в рум-салонах девушкам это правда сложно: они постоянно ввязываются в долги, сливают заработок в барах, спускают деньги на салонных мальчиков. «Я бы могла оплатить две операции на сумму, которую большинство салонных девушек тратят на алкоголь за ночь, – сказала однажды Суджин. – Не представляешь, сколько они зарабатывают и бросают на ветер каждую неделю. Мне *нужно* попасть туда. Просто необходимо». Она говорит, что будет копить

³ Якульт – японский подслащенный молочный напиток с пробиотиками.

до тех пор, пока не перестанет беспокоиться, как прожить следующий день и месяц. И всякий раз, когда Суджин делится мыслями, я киваю и улыбаюсь – так она знает, что я верю ей.

Иногда люди спрашивают меня, как это произошло, и я отвечаю: из-за мальчика. *Он разбил мне сердце, и я потеряла голос.* Романтично, не правда ли? Я даже сделала небольшую распечатку с этой фразой и показывала ее, вместо того чтобы всякий раз писать одно и то же. И только потом осознала, что так же делают попрошайки в метро.

Время от времени я вру, что родилась такой. Но новым клиентам, если они мне нравятся, я открываю правду.

«Это цена за выживание. Жизнь за пределами Сеула немного другая».

На самом деле было бы логичнее, если бы я оглохла: большая часть ударов пришлась на мои уши. Но барабанные перепонки со временем практически восстановились, и слышу я хорошо. Иногда я спрашиваю себя, а не лучше ли у меня слух сейчас, чем раньше? Возьмем, к примеру, ветер. Не припомню, чтобы у него было столько оттенков звучания.

* * *

В понедельник Кьюри приходит в салон немного позже обычного. Она выглядит усталой, но машет мне, усевшись в кресло для макияжа, пока я подготавливаю свой уголок для укладки. Работающая рядом коллега использует слишком много спрея для волос, и я неоднократно писала ей записки с просьбой сбавить обороты: стена вонючих химических брызг регулярно вызывает у меня головную боль. В ответ она лишь хлопает глазами, и ничего не меняется.

Вымыв волосы Кьюри, я приношу ей холодный чай юджа⁴, и она опускается в кресло.

– Ара, будь добра, как обычно. – Сделав глоток, Кьюри пристально смотрит на себя в зеркало. – Боже, только посмотри на мои круги под глазами. Я сегодня просто чудовище. Ночью я перебрала с выпивкой.

Я беру выпрямитель и показываю ей, вопросительно поднимая брови.

– Нет, только волны, пожалуйста. – С отсутствующим видом Кьюри проводит пальцами по волосам. – Я, кажется, не сказала тебе, но в «Аяксе» сейчас такое правило. В рум-салоне не может быть слишком много девушек с одинаковыми прическами, и на весь сезон за нами закрепляют определенный образ. Мне повезло: у меня волны. Они нравятся мужчинам. Ну, ты понимаешь.

Улыбнувшись и кивнув ей через отражение в зеркале, я откладываю выпрямитель и вместо него беру щипцы для завивки.

– Я взяла за правило спрашивать каждого мужчину – хочу знать наверняка. И все как один отвечают: им нравятся длинные волнистые волосы. Думаю, это из-за Чо Сехэ из фильма «Моя голубка». Она там такая красивая! А ты знала, что она десять лет не окрашивала и не выпрямляла волосы из-за своего контракта с «Шампурин»? Получилась естественная красота!

Кьюри, закрыв глаза, все болтает и болтает, пока я прикалываю небольшие прядки ее волос к голове. Затем я начинаю накручивать их с левой стороны.

– Девушки постарше должны больше заботиться о волосах. Старение – настоящая трагедия. Вот смотрю я на нашу Мадам и понимаю: это самое уродливое создание, какое я когда-либо видела. Я бы, наверное, убила себя, если бы так выглядела. Но знаешь, что? Думаю, мы единственный рум-салон с некрасивой Мадам, и это выделяет «Аякс». Мы, девушки, смотримся только лучше на фоне ее чудовищности. – Кьюри пожимает плечами. – Не могу перестать думать об ее уродстве. Я имею в виду, почему бы ей не сделать операцию? Ну почему? Я и правда не могу понять некрасивых людей. Особенно если у них есть деньги. Они совсем

⁴ Корейский традиционный чай на цитрусах юджа – гибриде горьких мандаринов и лимонов.

глупые? – Кьюри смотрит на себя в зеркало, наклонив голову, пока я снова не приподнимаю ее. – Или они извращенцы?

* * *

Я могу проводить время с Суджин только по воскресеньям – это мой единственный выходной. В будни я прихожу на работу к половине одиннадцатого утра, а ухожу в одиннадцать ночи. Так что по воскресеньям мы бездельничаем дома: едим банановые чипсы и рамен и смотрим что-нибудь на компьютере. Любимое шоу Суджин – «Из крайности в крайность», где каждую неделю участвуют сильно изуродованные (а иногда просто некрасивые от рождения) люди, и зрители путем телефонного голосования выбирают победителя. Ему дают возможность сделать пластическую операцию у лучших хирургов страны. Суджин нравится наблюдать за финальным преобразованием, когда избранный выходит из-за шторы и родственники, не видевшие его несколько месяцев, пока он восстанавливался после операции, вопят и падают на колени. О, прекрасный лебедь, в которого превратился гадкий утенок! Очень драматично. И ведущие крикливые.

Обычно Суджин смотрит этот момент снова и снова, но сегодня она слишком взволнована, чтобы спокойно сидеть на месте.

– Кьюри такая милая! Она обещала поговорить с теми, кому перепродает свои сумки, и попросить их одолжить мне денег на операцию. Кьюри сказала, что одалживать деньги салонным девушкам для них – обычное дело. А потом, встав на ноги, я через нее смогу найти работу. – Суджин дрожит от эмоций; я похлопываю ее по руке. – Жду не дождусь! Пока не выплачу всю сумму, буду есть один рамен. Проценты вырасти еще не успеют, а долг уже будет погашен.

Кажется, от восторга у нее кружится голова.

– Разве не здорово засыпать и просыпаться богатой? Но я не превращусь в транжиру, о нет. Я останусь бедной в душе. За счет этого и смогу разбогатеть.

«Что ты купишь мне?» – пишу я. Суджин смеется и ласково треплет меня по голове.

– Для русалочки – все, что пожелает ее сердце. – Она подходит к зеркалу и кончиками пальцев касается подбородка. – Только к тому времени определись точно со своим желанием.

* * *

В день операции Кьюри приходит в салон пораньше, чтобы отвести Суджин в клинику и заранее пообщаться с доктором Шимом. Я уйду с работы в пять вечера – чтобы быть в клинике, когда моя подруга проснется после анестезии.

«Спасибо, что познакомила ее с таким волшебником, – пишу я. – Она станет красавицей».

Лицо Кьюри становится растерянным, но тут же на нем появляется улыбка. Кьюри добавляет, что она рада принести в мир больше красоты.

– Разве не щедро с его стороны помочь ей за такие смешные деньги? Обычно он занят так, что на операцию можно попасть лишь после нескольких месяцев ожидания.

Я киваю. На консультации доктор Шим сказал Суджин, что исправить глаза не проблема, но ей придется делать и ортогнатическую хирургию, и операцию по исправлению квадратного подбородка. Других вариантов нет. Он сделает надрезы как на верхней, так и на нижней челюстях и расположит их по-новому, подправит с обеих сторон, и от ее мужеподобных черт лица не останется и следа. Также он порекомендовал уменьшить скулы и сделать легкую липосакцию подбородка. Вся операция займет от пяти до шести часов, а пробыть в клинике придется около четырех дней.

По поводу того, сколько Суджин понадобится на полное восстановление и когда она снова будет выглядеть естественно, доктор не был так красноречив. «Возможно, более полугода», – самый точный ответ, который нам дали. Время восстановления очень индивидуально. Например, одна коллега рассказала мне о своей кузине, которой потребовалось больше года. Эта кузина, добавила коллега, до сих пор не чувствует подбородок и пережевывает пищу с трудом, зато ей дали работу в отделе продаж в престижном конгломерате.

Я заканчиваю работать над прической Кьюри: взбиваю кудри и выдавливаю на руки немного самой дорогой сыворотки, придающей волосам сияние. Растираю ее в ладонях, легким движением наношу на локоны. Сыворотка чудесно пахнет перечной мятой и розой.

Я касаюсь плеча Кьюри, давая ей знак, что все готово. Она выпрямляется в кресле, хлопает ресницами и, глядя на свое отработанное зеркальное выражение лица, стягивает щеки. С каскадом локонов, с безупречным макияжем она умопомрачительна. На ее фоне я совсем блеклая. У меня непримечательная внешность и обычные волосы, которые ворчливый менеджер Квон вечно просит укладывать лучше.

– Спасибо, Ара. – Кьюри медленно расплывается в благодарной улыбке и ловит в зеркале мой взгляд. – Мне очень нравится. Просто богиня!

Мы вместе смеемся, но мой смех беззвучен.

* * *

Единственное, что я могу делать в клинике, – держать Суджин за руку, пока она тихо плачет. Ее голова полностью забинтована, видны лишь одни ресницы, нос и губы.

А вечером, вернувшись домой, я нахожу на столе лист бумаги. Это завещание Суджин. Мы прочитали много статей о пациентах, задохнувшихся во сне от наполнившей горло крови из-за застрявших в артериях кусочков челюстных костей. Я остановила подругу после нескольких таких материалов, но сама втайне прочитала все.

«Все, что у меня есть, я оставляю моей соседке, Парк Аре», – говорилось в записке.

В оригинальной истории русалочка терпит неопишемую боль ради обретения человеческих ног. Морская ведьма предупреждает: русалочке будет казаться, что она ходит по раскаленным лезвиям. Зато потом она сможет танцевать так красиво, как никто никогда не танцевал. Русалочка решается выпить зелье. И каждый глоток похож на удар острого меча.

К чему я клоню. Да, на своих прекрасных ногах танцевала она божественно, превозмогая боль словно от тысячи острых ножей. Русалочка могла ходить, бегать и стоять рядом с ее возлюбленным принцем. Да, у них ничего не сложилось, но смысл истории не в этом.

В конце, когда она распрощалась с любимым и бросилась в море, чтобы превратиться в морскую пену, ее уносят дочери воздуха.

Разве не красивая история?

Кьюри

Около десяти вечера в нашу комнату в рум-салоне вошла девушка, миниатюрная и одетая очень дорого: в мягко ниспадающее шелковое платье с птичьим принтом и отороченные мехом туфли на высоком каблуке. Я видела такое платье в последней коллекции *Women's Love and Luxury*, и стоило оно как годовая аренда жилья. И вот, утонченная незнакомка стоит на пороге с насмешливым видом.

За столом нас пятеро девушек – по одной на мужчину. Незнакомка по очереди рассматривает каждую из нас; в глазах пляшет огонек интереса. Большинство мужчин даже не заметили ее появления – они пьют и громко разговаривают. Мы же застыли. Остальные девушки немедленно отвернулись, опустив головы, и только я, пересилив себя, всё смотрю на незваную гостью в ответ.

Девушка внимательно оглядывает обстановку: темные мраморные стены, длинный стол, уставленный бутылками, стаканами и стеклянными тарелками с фруктами, свет, просачивающийся из угловой уборной, караоке, остановленное посреди песни, поскольку Брюсу позвонили по работе, а на улицу он выйти не мог. Факт, что девушку не сопровождали официанты, означает одно: кто-то объяснил ей, в какую точно комнату идти. Это не так-то просто, учитывая наш специально запутанный подземный лабиринт коридоров.

– Джи, сюда! – зовет Брюс, мой партнер. Он, повернувшись, смотрит в ту же сторону, куда и я, а затем грубо щиплет меня за внутреннюю часть бедра. – Ты пришла!

Девушка по имени Джи медленно направляется к нам и садится. Вблизи я могу разглядеть ее глаза без двойных складок и плоский нос. Никакой хирургии. Я бы даже мертвой не появилась на людях с таким лицом. Но по ее манере держаться очевидно: она из тех, у кого денег столько, что остальное неважно.

– Эй, ты, – набрасывается она на Брюса. – Ты что, пьян? Зачем ты позвал меня сюда?

Она выглядит раздраженной из-за того, что ее пригласили в подобное заведение. Но я не сомневалась: все наоборот. Джи вряд ли отказалась бы увидеть своими глазами рум-салон. Женщины здесь – редкие гости, а когда появляются, обычно сидят с разинутыми ртами, молча осуждая нас. Мысли читаются прямо на лицах: «Я бы никогда не пала так низко. И все это – чтобы купить себе сумочку?» Даже не знаю, кто хуже: эти моралистки или мужчины. Шутка. Мужчины куда хуже.

Напротив меня на стол ставят полупустую бутылку виски. Как всегда, Брюс забронировал самую большую комнату и заказал самый дорогой алкоголь. Но по сравнению с другими вечерами, сегодня они с друзьями пьют как-то вяло. Брюс – недавняя крупная рыба в нашем салоне: мало того, что он из известной семьи (отец – владелец клиники стволовых клеток в Чхондамдоне), так еще и сам основал игровую компанию. Мадам в восторге – уже два месяца он появляется здесь каждую неделю. «Все из-за тебя, Кьюри», – сказала она мне несколько ночей назад, и ее жабье лицо расплылось в улыбке. Я улыбнулась в ответ, хотя наш салон – просто ближайший к офису Брюса.

– Разумеется, я не пьян, – огрызается он. – Я позвал тебя, потому что Мие дуется на меня. Впервые слышу о Мие. Впрочем, почему я должна была слышать о ней?

– Вы *опять* повздорили? – возмущается девушка.

Она вся дрожит и уже достает из сумки кардиган песочного цвета, чтобы накинуть на плечи. Вызывающий жест. Мадам поддерживает в комнате прохладную температуру, в которой мужчинам в костюмах было бы комфортно. А мы в наших мини-платьях просто стараемся прикрыть бегущие по коже мурашки.

– Поговори с ней. Пора ей спуститься на землю. – Брюс, сняв очки, протирает глаза.

Так он поступает, лишь когда расстроен. Без очков он словно маленький потерявшийся ребенок, и имя «Брюс» кажется нелепым. Я начала звать его так, когда он похвастался третьим даном⁵ в тхэквондо, достигнутым еще до пятнадцати лет. Мы тогда были в отеле, и я дразнила его из-за тощих рук. В ту ночь я слишком устала для секса и надеялась, что если буду издеваться над Брюсом, он рассердится.

Я не знаю, во сколько лет мужчины становятся козлами. В детстве? В подростковом возрасте? Когда начинают зарабатывать деньги? Возможно, многое зависит от отцов и отцов их отцов. Как правило, самых больших ублюдков стоит поискать среди дедов, если судить по моим. На самом деле современные мужчины получше, чем представители предыдущих поколений – те самые, которые приводили домой любовниц и заставляли жен кормить и опекать их внебрачных детей. Еще до работы в рум-салоне я слышала много историй о собственных предках. Не осталась ни капли иллюзий: если мужчины и не умирают в расцвете сил, вешая на вашу шею детей и колоссальные расходы, то имеют вас другими – весьма скучными – способами.

Настоящих джентльменов я вижу лишь в дорамах по телевизору. Вот те-то добрые: оберегают вас, и плачут, и идут против семей во имя любви, хотя я бы, конечно, не хотела, чтобы они отказывались от семейного состояния. Бедный мужчина не сможет помочь мне, если не способен помочь даже себе. Я знаю, потому как однажды влюбилась в бедного. Он был не в состоянии заплатить за проведенное со мной время, а я не могла жертвовать ради него своим: оно слишком дорогое.

– Вы ругаетесь чаще, чем все знакомые мне пары, – ворчит Джи. – Либо уже порви с ней, либо женись.

Говоря, она то поднимает на меня глаза, то опускает. Сучка. Я борюсь с внезапным желанием одернуть край платья.

– Я знаю. – Брюс тянется за бутылкой. Пусть сам себе наливает, я даже не предлагаю ему помочь. Мадам, увидев меня сейчас, обязательно сделала бы замечание. – Мы ссоримся как раз из-за этого. Я не готов, мне всего тридцать три. Никто из наших друзей не женат, девушки не замужем. Хотя что *они* собираются делать, меня точно не касается. – Он хмурится и быстро добавляет: – Конечно же, за исключением тебя, Джи. Тебе определенно не о чем волноваться.

Девушка кривится.

– Уже тошно от моей семейки. Вечно запикивают меня на свидания вслепую в надежде выдать замуж. Они понимают хоть, в каком веке живут?

Брюс мрачнеет, обдумывая ее проблему. Я закатываю глаза. К счастью, никто этого не замечает.

– Бабушка уже назначила дату моей свадьбы, – продолжает Джи. – Пятого сентября будущего года или около того. Дело за малым – найти жениха. По ее словам, понадобится немало времени, чтобы выбрать отель для моей свадьбы – она ведь не хочет оскорбить владельцев других заведений, которым откажет в подобной чести.

Я достаю пудреницу и принимаюсь поправлять макияж. Смешно. О каком дерьме люди только не беспокоятся. В прошлом я бы сгорела от стыда при одном взгляде этой Джи на меня. Сейчас хочется просто дать ей в морду, и Брюсу – за компанию. Нечего было звать ее.

– В любом случае ты переживаешь из-за Мие, это хороший знак, – заявляет она и внезапно начинает тараторить по-английски, бурно жестикулируя. Я заметила, что это присуще всем англоговорящим: широко размахивать руками и вертеть башкой. Выглядит нелепо.

– Какого черта, Брюс? – Остальные мужчины резко поворачиваются в его сторону, услышав английскую речь. Только теперь они заметили, что среди них появилась особа из внешнего мира.

⁵ Ступени мастерства в тхэквондо. Однако обладатель первого дана еще не является мастером. В тхэквондо первый, второй и третий даны являются начальными степенями мастерства. Третий дан можно получить в возрасте около 18 лет.

– Что за херня? – восклицает толстый потный тип, сидящий рядом со мной. Однажды я слышала, как он хвастался выбранной им девушке, Седжон, что он «топ-юрист в компании». Она никак не могла перестать смеяться над ним, и тот покраснел, словно подросток.

Сейчас он переводит сердитый взгляд с Брюса на Джи и обратно.

– Парни, это моя подруга Джихи, вы встречали ее на дне рождения Мие, помните? – Брюс лучезарно улыбается, невнятно произнося слова. Все таращатся на него. Возможно, Джи знает добрую часть их сестер, жен и коллег. А может, даже их родителей.

Джи откидывается назад, приняв самый невинный вид. Очевидно, уходит она и не думает. Повисает тяжелая тишина, которую никто не хочет нарушать. Брюс поступил не очень хорошо – пренебрег негласным правилом. Но друзья не могут злиться: во-первых, он слишком пьян, чтобы беспокоиться о чем-либо, во вторых – самое главное – он, как обычно, платит за всех. Счет за ночь, вероятно, равен половине их месячного заработка. Потому приятели просто поворачиваются к своим девушкам, хотя и ведут себя уже намного сдержаннее.

Если бы эта ночь ничем не отличалась от множества других, я бы встала и ушла. У меня ведь есть постоянные клиенты, мечтающие о моей компании, и обычно я хожу из комнаты в комнату. Но Брюс – исключение, да и вторник выдался ленивым. К тому же я здорово проголодалась, а к тарелкам с анджу⁶ никто даже не прикоснулся. Хотя политика рум-салона не позволяет (да я и сама бы раньше так не поступила), я все-таки беру кусочек питайи и начинаю есть. Мякоть нежная, но практически безвкусная.

– И какой же был повод для ссоры? – интересуется Джи.

– Мие хотела пообедать сегодня с новой подружкой своего брата, – отвечает Брюс. – Но я сейчас в завале, работаю над первичным публичным предложением, так устаю, что к ночи обычно засыпаю на рабочем месте. И уж точно не собираюсь тратить вечер на какую-то деревенскую девицу только потому, что с ней встречается брат-идиот моей девушки в своем безымянном университете. *Да мне насрать.*

С отсутствующим видом он потягивает виски. Меня он полностью игнорирует – словно и не трахал на стуле две ночи назад.

– Ты же знаешь, она восприняла это как посыл «Мне плевать на твою семью». Будь аккуратнее.

Брюс фыркает и с отвращением мотает головой.

– Знаешь ли ты, что ее брат просит у меня деньги на *карманные расходы*? И, конечно же, он собирается устроиться ко мне на работу, хотя мы нанимаем только тех, кто получил образование в одном из трех лучших университетов страны. Или, по крайней мере, окончил Корейский институт передовых технологий. Ну или тех, чьи родители достаточно влиятельны, чтобы нам помочь.

– Еще раз: чем занимается ее отец? Кажется, я слышала, но забыла.

– Он простой адвокат. У него крошечная конторка в каком-то районе, который вроде даже и Сеулом не считается.

– Почему бы тебе тогда не порвать с ней? – Джи явно теряет терпение. – Мы сдружились, и я говорю это ради ее же блага. Не отнимай ее время – возможно, она встретит другого. Примерно за год она найдет кого-то; весь следующий год они будут встречаться, потом заговорят о свадьбе, несколько месяцев у них отнимут хлопоты, и еще год уйдет на рождение детей. А ведь ей уже тридцать!

– Да, я знаю, – уныло кивает Брюс. – Поэтому и согласился познакомить наших родителей. Поужинать вместе. И сейчас просто с ума схожу. Привычная жизнь закончится первого марта. В День независимости. В семь вечера. Идут даже все братья и сестры. – Его лицо принимает трагичное выражение.

⁶ Общее название корейских блюд, подающихся к алкогольным напиткам.

– Что? – восклицаем мы с Джи в один голос.

Затем Брюс и девушка смотрят на меня. В его глазах отражается удивление, она же меня буквально испепеляет.

– Сангенрэ?⁷ – уточняет Джи. – Да это же серьезнее, чем само предложение.

Я даже не знаю, почему новость так шокировала меня. На лице сама появляется дразнящая улыбка, и я шутливо заявляю:

– Так ты *женишься*? Думаю, теперь я буду видеть тебя еще чаще!

– Вот почему я был так зол, – продолжает Брюс, делая вид, будто не слышит меня. – Я не хочу, чтобы на этот ужин приходил ее братец со своей девушкой. Да маму удар хватит при одной мысли о возможности породниться с такой, как она. Будто и без нее проблем мало. Но Мие непреклонна. Она считает, что ее брат очень расстроится, если мы не пригласим его подружку.

– А почему так долго? – спрашивает Джи. – Только через три месяца? Где будет проходить знакомство?

– Я забронировал зал в ресторане «Сеул-кук» в отеле «Рейн». Мать Мие вела себя чертовски агрессивно все это время, так что мои родители, в конце концов, согласились. Просто это ближайший вечер, когда и папа, и мама свободны. Они откладывают встречу как можно дольше. И, честно говоря, знакомство состоится только благодаря моей матушке, которая пошла к гадалке. Мие, очевидно, будет прекрасной невесткой, женой и матерью. О боже! – Он качает головой. – Я не знаю, выдержу ли.

– Кончай страдать, – с упреком произносит Джи. – Рано или поздно твои родители должны познакомиться с семьей Мие.

Из груди Брюса, играющего с ремешком блестящих часов, вырывается стон.

– По крайней мере, они приличные люди, – после некоторой паузы утешает его Джи. – Могло бы быть и хуже.

По одному только тону я понимаю: она адресовала эти слова мне.

Между прочим, я тоже знаю все о приличиях. Моя старшая сестра вышла замуж в некотором смысле за кошелек.

Она окончила один из лучших женских университетов Сеула по специальности «дошкольная педагогика». Только благодаря этому ее брак и состоялся. Свадьба прошла в одном из самых дорогих отелей Сеула, со стороны жениха присутствовало более восьмисот человек, большинство гостей – мужчины в черных костюмах и при галстуках «Феррагамо» с анималистическим принтом, несущие в белых конвертах деньги. Его семья пригласила поддельных гостей, чтобы заполнить нашу сторону. Эта процессия и на свадьбу-то не была похожа.

Сестра уже как год в разводе, а наша мама все еще не в курсе.

Бывший муж сестры, Джесан, все это время подыгрывает нам, приходя в гости на большие праздники, Чхусок⁸ и Лунный Новый год, но с недавнего времени отказывается присутствовать на свадьбах наших родственников, чем заставляет Хаэну паниковать. Гордость нашей овдовевшей матери – хвастаться богатым зятем. Родители Джесана знают о разводе и, скорее всего, разрываются на части, взвешивая все за и против публичного позора и немедленного поиска лучшей второй жены для сына. За два года брака они видели мою маму лишь дважды, потому с их стороны нет никакой опасности – они точно ничего не выболтают.

⁷ Сангенрэ (англ. sangyeonrae) – встреча двух семей с целью обсудить детали свадьбы.

⁸ Корейский День благодарения. Отмечается 15 числа 8 лунного месяца. В Южной Корее Чхусок, а также день до и после праздника, являются выходными.

Хаэне по-прежнему живет в квартире в районе Каннам, принадлежащей Джесану. Там даже остались кое-какие его вещи – на случай, если мама соберется в гости и привезет корзинку с едой, приготовленной специально для ее любимого зятя.

– Это единственное, что я могу для него сделать, – говорит мама, когда Хаэна сопротивляется, поясняя, что Джесан практически не ест дома. – Только так я могу поддержать тебя.

И Хаэна молча принимает еду.

Случилось это в прошлом году, после очередного телефонного разговора с мамой о Хаэне («Кьюри-я⁹, как думаешь, что мне купить Джесану на день рождения? Не забудь отправить ему подарок и открытку заранее»). Я пригласила в гости двух живших через коридор девушек, чтобы вместе выпить. Раньше у меня все не находилось времени на разговор. А тут захотелось пообщаться, в таком я пребывала расположении духа.

Соседки выглядели непримечательно, да и, судя по всему, ни занятой работы, ни необычных увлечений или чего-то подобного у них не имелось. Но всякий раз при встрече с ними меня поражало другое – их душевная близость, дружелюбие и царившее между ними чувство уюта. Легкомысленная девушка с квадратным лицом и скромная с бледной кожей – вот и все, что я могла сказать о них. Но когда они находились рядом, то всегда держались за руки. Я видела их в нашем районе: как они обедают в забегаловке на углу, как покупают соджу в продуктовом магазине. Девушка с квадратным лицом всегда вела себя шумно, но обе излучали нежность. Иногда они оставляли входную дверь настежь, чтобы проветрить квартиру, и я видела их, слоняющихся по дому в пижамах. Бледнолицая играла с волосами квадратолицей, когда они, устроившись на диване, сонно смотрели очередную дораму. «Прямо как сестры», – поймала я себя на меланхолической мысли.

Моя родная сестра и я не очень-то близки, объединяет нас одно – мы обе делаем все возможное, чтобы беречь маму.

Мне известно: у Джесана та еще репутация в рум-салонах. О его подружке Хаэна узнала лишь спустя несколько лет. Три года назад я сама застала его за особо грязными развлечениями в рум-салоне в Кансогу, где раньше работала. Там наверху располагался смежный отель. Случилось это еще до моей ортогнатической операции.

Войдя в комнату вслед за другими девушками, я увидела в дальнем углу Джесана – и тут же выскочила, так что он меня не заметил. Той ночью Мадам отправила меня домой: я слишком распахивалась, а скандалы ей были не нужны. Позже она лично познакомилась с Джесаном, побаловав его вниманием, – так он всю ночь чувствовал себя особенным. В итоге она вытрясла из него обещание звонить перед каждым визитом в салон – чтобы меня по ошибке не отправили к нему в комнату. «Я не допущу, чтобы кто-то из моих девочек расстраивался», – сказала Мадам, потрепав меня за щеку. Меня чуть не стошнило от этого притворства. Мадам ведь каждую ночь третировала меня на тему того, сколько денег я заработала.

Разумеется, я ничего не сказала Хаэне. Моя обычно рассудительная сестра сама узнала о его подружке, работавшей в рум-салоне в Самсон-доне, и повела себя как полная урра. Но развод случился не потому, что она подняла шум. Джесан не был влюблен в ту девушку. Просто в определенном смысле он разлюбил Хаэну и не хотел затягивать ее сердечные страдания. А наша семья явно не из тех, которые могли бы заставить его подумать о разводе дважды.

Сейчас мне приятно быть в «десятке» – в салоне, где предположительно работают десять процентов из всех самых красивых девушек индустрии и где Мадам откровенно не навязывает нам «второй раунд» – секс с клиентами. Да, давление из-за денег все еще есть, но выражается

⁹ Я – корейское обращение старших к младшим по возрасту.

чуть более цивилизованно. Когда я злюсь на Мадам, другие девушки шепчут мне, что она вовсе не так плоха, и я вспоминаю тех, на кого мне доводилось работать в прошлом. Мы все изрядно пострадали из-за гораздо более коварных дам.

У нашей мамы тоже есть тайны, но намного безобиднее.

– Кьюри, секретный ингредиент, который я добавляю в каждый гарнир, – несколько капель китайского сливового соуса, – говорит она. В морщинках на ее лбу во время жарки анчоусов с измельченным арахисом и сливовым сиропом образуется пот. – Ты можешь добавить его во что угодно, к тому же он очень полезен для здоровья!

Всякий раз, приезжая домой в Чхонджу, я наблюдаю, как своими слабыми руками мама мешает в сковороде еду. Она не позволяет мне даже стоять рядом с плитой. В результате ни Хаэна, ни я не можем приготовить ни единого блюда, даже сварить рис в рисоварке.

– У вас обеих будет другая жизнь, лучше, чем у снохи-домохозяйки, – сказала однажды мама, когда мы уже немного подросли. – Я бы хотела, чтобы вы и вовсе не умели готовить.

Со смерти папы мама начала сдавать. Ей пришлось оставить уголок на рынке, где последние тридцать пять лет она продавала тофу. Два года назад в ее правой груди обнаружили две большие опухоли, которые тут же удалили. Они были доброкачественные, но пугающего размера. Мама еще и на грани диабета, кости ее начали разрушаться. После инфекции полугодовой давности ее левая рука до сих пор раздутая, словно губка. Всякий раз, приезжая к маме, я часами делаю ей массаж, а в следующем месяце мы идем на консультацию к хирургу – это ближайшее время, которое удастся забронировать в «СеОЛим».

Суджин постоянно повторяет мне, что ни в ком еще не видела столько дочернего благородства, и Ара в знак согласия яростно кивает. «Кто бы мог подумать: салонная девушка – и обладательница звания “дочь столетия”», – сказала однажды Суджин. Я тогда призналась, что все мои сумки куплены не мной и что денег у меня нет, потому как всю выручку я отправляю маме.

Мама называет меня хайо-нье – «преданная дочь» – и гладит по волосам с такой любовью, что сердце разрывается. Но иногда на нее что-то находит, и тогда на меня выплескивается море гнева.

– Нет большего горя, чем не выйти замуж, – говорит мама. – Одна мысль о твоём одиночестве и бездетности меня старит и просто убивает.

Приходится отвечать, что в офисе, где, как она думает, я работаю секретарем, я встречаю десятки мужчин. Вопрос в одном – как выбрать подходящего.

– Разве для этого ты перенесла столько страданий? – говорит мама, касаясь пальцем моей щеки. – Какой смысл иметь красивое лицо, если ты не умеешь им пользоваться?

С детства я понимала: мой единственный шанс на другую жизнь – другое лицо. Смотрясь в зеркало, я знала каждую деталь, которую нужно изменить, еще до разговора с гадалкой.

И вот наконец я проснулась после операции на челюсть. Анестезия переставала действовать. От боли хотелось кричать, но крик получался немой: рот не открывался. Несколько мучительных часов я думала об одном – что хочу убить себя, лишь бы боль прекратилась. После неудачных попыток найти балкон и прыгнуть с него я отчаянно принялась за поиски стекла или чего-то острого. Или ремня, чтобы повеситься в душе. Позже мне сказали, что у меня даже не вышло добраться до двери собственной палаты. Мама держала меня за руку всю ночь, пока я ревела, пропитывая слезами покрывавшие лицо повязки.

То, что она может умереть, – мой самый сильный страх. Когда я ни на чем не сконцентрирована, ко мне обязательно возвращаются мысли об опухолях, распространяющихся по маминному телу яд.

* * *

В один из следующих дней в клинике я наконец-то вижу девушку, чье лицо выбрала в качестве модели для себя, – Кенди, ведущую вокалистку женской группы «Чарминг». Когда я вхожу, она сидит в комнате ожидания, сторбившись в углу; черные волосы беспорядочно выбиваются из-под кепки.

Я сажусь рядом – хочу увидеть, насколько мы похожи. На первую консультацию с доктором Шимом я принесла фотографии Кенди. Кончик ее носа слегка вздернут, что делает ее такой уникальной и поразительно красивой. Ее оперировал сам Шим – потому-то я и выбрала его.

Вблизи мне удастся разглядеть ее красные глаза, видимо, опухшие от слез, и страшные пятна на подбородке. Год у Кенди не задался: ходят слухи, что она травит Ксуну, новенькую в группе, и часто пропускает репетиции из-за свиданий со своим новым парнем. Комментарии в интернете резки и беспощадны.

Почувствовав мой взгляд, девушка еще ниже опускает кепку и начинает играть с кольцами – тонкие полоски золота красуются на каждом из десяти пальцев.

Медсестра называет ее имя. Кенди встает и направляется в кабинет врача. В этот момент, словно услышав мои мысли, она поворачивается и смотрит на меня. Наши глаза встречаются. Мне хочется протянуть руки и встряхнуть ее за плечи со словами: «Хватит быть дурой. У тебя есть многое, и ты можешь делать все что угодно. Я бы прожила твою жизнь лучше тебя, будь у меня твое лицо».

Вонна

Моя бабушка умерла в прошлом году в больнице для престарелых в Суване. Она уходила совершенно одна, никого из членов семьи рядом не оказалось – а потом пожилая соседка по палате просто попросила медсестру убрать тело, поскольку оно начало пахнуть.

Узнав об этом, я ушла с работы домой и просто легла. Мне было очень плохо.

О случившемся меня оповестил отец.

– Тебе необязательно присутствовать на похоронах, – сказал он, когда мы созванивались.

В детстве и подростковом возрасте я часто мечтала о бабушкиной смерти. И сказала, что правда не хочу провожать ее в последний путь.

Когда я была маленькой и жила у бабушки, мы с отцом не особо общались: он работал за границей. Но иногда кто-то из нас в разговоре вскользь упоминал ее добро: «Он похож на собаку, которую твоя бабушка принесла домой еще во времена моей учебы в средней школе» или «Этот сарай напоминает бабушкин сортир», но на эти остроты никто не ожидал получить ответа.

В тот день муж пришел с работы пораньше. Отец, должно быть, позвонил ему в офис. Он зашел в спальню, где я лежала с открытыми глазами, присел рядом и взял меня за руку. Что именно он думал о моих чувствах в тот момент, мне неизвестно. Муж знал, что мое детство прошло под опекой бабушки, вот только я никогда не рассказывала о ней и ни разу ее не навестила. Он, должно быть, *что-то* понял. Я просто не в силах обсуждать с ним свои воспоминания. Могу представить, как его круглое лицо принимает благонамеренное, сочувствующее выражение, и мне придется встать и уйти.

– Я тоже пережил страшные моменты, ты же знаешь, – сказал он.

Это была первая попытка заговорить о моем детстве, и я молча уставилась в пол. Муж рассказывал о смерти матери. История была очень печальной и вызывающей сострадание, но вряд ли он мог понять, через что я прошла, живя с бабушкой. Большинство людей просто не могут осознать настоящую тьму, зато пытаются все уладить.

Мой муж из тех, кто ожидает от других добра просто потому, что сам добр к окружающим. Когда он выпивает или смотрит телевизор, то обязательно ляпнет что-нибудь сентиментальное, а мне потом будет стыдно. Я вышла за него замуж по одной причине – устала. К тому же часики пробили, несмотря на мои еще молодые годы.

* * *

Ночью, когда муж спит рядом, на меня часто находят приступы клаустрофобии. Приходится уходить вниз и садиться на верхнюю ступеньку переднего входа в офистель¹⁰. На нашей улице жизнь кипит даже ночью, и мысли будто очищаются.

В будни мои соседки сверху обычно приходят домой около одиннадцати ночи. Они мирные и спокойные в любую погоду, неизменно кивают мне и бормочут «Здравствуйте». Иногда я здороваюсь в ответ, а иногда – просто отворачиваюсь. Они не знают, что я всегда жду их возвращения. По выходным я иногда встречаю их, когда они уходят. А забавнее всего – слышать, как они стучатся друг к другу, чтобы одолжить косметику или заказать жареную курицу в самое немислимое время суток.

Я сижу на крыльце и наблюдаю за прохожими до самого возвращения соседок. Днем наша улица очень некрасивая – обшарпанная, пыльная, всюду горы мусора, гудящие машины

¹⁰ Корейская вариация апартаментов. В здании могут располагаться как офисы, так и квартиры-студии; можно работать и жить в одном помещении. Обычно в комплексах офистелей есть салоны красоты, спа-центры, магазины и т. д.

пытаются припарковаться как попало. Зато ночью ярко светятся неоновые вывески баров и сверкают телеэкраны. Летом заведения выставляют синие пластиковые столики и стулья, и до меня доносятся обрывки разговоров. Обычно выпивающие делятся анекдотами; иногда мужчины говорят о проходящих мимо женщинах – и наоборот. Но зачастую обсуждают телешоу. Поразительно, сколько людей говорят о телевизоре.

Быть может, дело в моем детстве без телевизора – в очередном припадке ярости бабушка разбила его, – но я до сих пор не понимаю, как можно обсуждать драмы, актеров и шутки из реалити-шоу. Когда мы познакомились, мой будущий супруг считал это очаровательным и всякий раз старался упомянуть в разговоре, пока я не попросила его прекратить. Каждый, кто узнает этот маленький факт, считает, что мои родители были заиклены на образовании – ведь сейчас у многих молодых мам и пап нет телевизора. Я понимаю, какой вред мозгу могут нанести реалити-шоу – они воспроизводят одни и те же сюжеты с закадровым смехом, пока зрители не сходят с ума. Но слыша, какой провинциальный университет я окончила, люди переглядываются, как бы стараясь сказать: «Вот видишь, почему прогрессивное воспитание так опасно».

Вряд ли моя мысль нова, но думаю, люди так много смотрят телевизор, потому что без него жизнь совсем невыносима. Если ты не родилась в состоятельной семье или твои родители десятилетия назад не получили землю в Каннаме, то придется работать, работать и работать за зарплату, на которую просто невозможно купить дом или оплатить уход за детьми. И вот, ты сидишь за столом, пока спина не скрючится. Твой босс некомпетентен, но вместе с тем – страшный трудоголик, и после долгого трудового дня ты пьешь, чтобы не вскрыться от такой жизни.

Но я выросла, не имея ни малейшего представления о том, какая разница между сносной и несносной жизнью, а когда узнала об этом, было слишком поздно.

* * *

До восьми лет я жила с бабушкой в маленьком каменном доме в Намъянджу, на северо-востоке от Сеула. Дом был обнесен низкой оградой, во дворе стоял сортир с протекающей крышей, а у передней двери возвышалась пара сосудов, где бабушка держала золотых рыбок.

Бабушка спала в своей комнате, а я – в гостиной на полу, рядом с небольшой белой статуей Девы Марии, на щеках которой были нарисованы кровавые слезы. По ночам статуя, казалось, не сводила с меня глаз. При этом она светилась, и слезы выглядели черными. Однажды при помощи кухонной щетки я попыталась соскоблить слезы со щек статуи, и бабушке пришлось рисовать их заново. Когда молитвенная группа из церкви собиралась в нашем доме, бабушка иногда рассказывала эту историю. Прочие женщины усмехались и трепали меня по голове. Вот только бабушка умалчивала о том, как побила меня за тот поступок. Раны на моих ногах затягивались больше недели. Отлупили меня веткой, сорванной с растущего в саду дерева. А ведь раньше я очень любила то дерево.

Зимой в доме было так холодно, что я надевала три-четыре свитера одновременно и укутывалась бабушкиными пальто, на которых до сих пор висели бирки. Каждую осень мои тетя и дядя присылали бабушке в подарок новое зимнее пальто из Америки, но всякий раз они оказывались ей велики, хотя выбирался самый маленький размер. Когда приходили гости, она доставала пальто и хвасталась ими, а стоило людям выразить восторг, как бабушка пожимала плечами, говоря, что пальто не подходят ей по размеру, и предлагала купить их. Ведь кто-то может попасться на крючок, и от этой мысли мне становилось страшно. Но, полагаю, все думали одно и то же: вещи из Америки чересчур дорогие.

У нас не было богатых соседей, но в школе дети обычно носили опрятную одежду, имели схожие вещи и прически, как у братьев и сестер, и мелочь на траты в канцелярском магазине. Тогда я, конечно, ни о чем не догадывалась, но сейчас, разглядывая сохранившиеся фотографии, понимаю, какая бедная на мне одежда – старые бабушкины рубашки. Я не носила вещи детских цветов. Нет, я ничего не потеряла, я даже не замечала. Другие дети не дразнили меня, но и не искали моей компании. Играть одной после школы – у ручья или во дворе церкви, где одна монахиня выделила мне кусочек земли для садоводства, – казалось нормальным.

Монахини, видевшие мою бабушку каждую неделю на службе, знали ее истинное лицо куда лучше, чем другие люди.

Был прекрасный весенний день, когда из Америки пришло письмо. Помню, как в начале той недели пышно зацвел вишневый сад, и мы с бабушкой возвращались от колодца на горе, где каждые несколько дней набирали питьевую воду. Почтальон уже стоял у ворот.

– Письмо от вашего сына из Америки! – крикнул он и помахал конвертом, увидев нас.

– Правда? Он так часто пишет, – оживленно произнесла бабушка. Она не разговаривала со мной вот уже несколько дней, но прекрасно умела скрывать свое настроение от других.

Она явно желала похвастаться письмом: прямо на месте устроила шоу, открыв конверт, и медленно начала читать.

– Этим летом он приедет навестить нас. С женой и детьми.

– Боже мой, какое событие! Впервые с отъезда в Америку?

Почтальон, как и все на нашей улице, знал о моем дяде – гении, которому предложили работу в «мозговом центре»¹¹ в Америке после женитьбы на моей тете – единственном драгоценном ребенке из богатой семьи. Бабушка поджала губы.

– Да, – ответила она и резко вошла во двор, оставив почтальона в растерянности.

Я помчалась за ней. Приезжают мои двоюродные сестра и брат! От одной мысли закружилась голова. Мои кузены, Сомин и Хенсик. Из писем дяди и тети я знала о них все. Им было шесть и три соответственно (а мне восемь), они жили в Вашингтоне, на улице, где не найдешь других азиатов. Сомин ходила в школу с американскими детьми и обучалась удивительным вещам – балету, соккеру и игре на скрипке, а Хенсик начал заниматься гимнастикой для малышей.

Всякий раз, когда приходило письмо, бабушка впадала в мрачную ярость, а я внимательно изучала изящный почерк тети. Она часто присылала мне небольшие подарки, а на каждый день рождения отправляла американскую поздравительную открытку с цветами или животными. Еще она присылала фотографии с вечеринок по случаю дня рождения Сомин – там девочка в кружевном платье и шляпе задувала свечи в окружении других детей. У некоторых были золотистые или оранжевые волосы и кожа цвета бумаги.

– Такая нелепая расточительность на ребенка! – сердито говорила бабушка и бросала фотографии в мусорное ведро, а в особо мрачном настроении резала ножницами на мелкие кусочки.

На младшего кузена, Хенсика, я не возлагала надежд – у меня было смутное представление о детях трех с половиной лет. Он говорить-то хотя бы умеет? Я не знала, да и не интересовалась. Скорее всего, он не даст нам с Сомин играть. Мечтала я о другом – отвести Сомин на мой участок на территории церкви и показать ей цветущие огурцы. Даже бабушка сказала, что из них получатся хорошие оиджи¹².

¹¹ Аналитические центры («мозговые центры», «фабрика мысли») – научно-исследовательские (аналитические) организации, которые, как правило, работают в области гуманитарных наук – политики, экономики, социологии, права и т. д.

¹² Соленые огурцы по-корейски.

Если все сложится хорошо, еще я отведу Сомин в канцелярский магазин рядом с рынком. На лавочках перед ним соседские дети собираются вместе, чтобы поиграть. Я представляла, как они будут перешептываться о том, какая красивая и интересная у Вонны двоюродная сестра, девочка из Америки.

Вот о чем я тогда мечтала.

Мой отец был в семье средним сыном, а в большом доме в Америке жил младший. Говоря о тете, бабушка неизменно ее принижала, зато, когда приходили гости, всегда выставляла дядины американские подарки на видное место. Блестящая черная камера красовалась на кухонном столе, а из сумочки прямо на пол гостиной случайно могла высыпаться косметика.

Однажды, после того как гости разошлись, она порылась в косметичке и, не найдя свой крем, заявила, что его, должно быть, кто-то унес. В то время самой ценной вещью бабушки был тяжелый тюбик крема для лица с золотой крышкой – его тетя прислала месяц назад. Назывался он «И-су-те Ру-да». Проверив мой шкафчик, она убедилась в невинности собственной внучки и заявила, что его, должно быть, забрала миссис Джу, чью дочь когда-то отвергли все бабушкины сыновья. Бабушка несколько дней проклинала бедную женщину словами, каких с тех пор мне слышать не доводилось. Больше миссис Джу в нашем доме не появлялась, что меня очень огорчило, ведь она всегда держала для меня в сумочке леденец и одна из немногих относилась ко мне по-матерински. Однажды она увидела меня через дорогу – я стояла напротив канцелярского магазина – и, неожиданно подойдя и обняв, дала мне купюру в пять тысяч вон.

Бабушка всегда яростно сражалась за деньги: иногда с владельцем магазина, который, по ее мнению, обсчитал ее, иногда – с собственными сестрами. Они выглядели, как она, разговаривали, как она, и были такими же скверными. Ее брат – младший из четверых детей – женился на бедной девушке, и брань, посыпавшаяся на нее из уст бабушки и ее сестер, привела к тому, что через несколько лет молодая семья сбежала в Китай.

А вот мой дядя, живший в Америке, не только женился на богатой, но и сумел заработать крупные деньги. С остальными же сыновьями бабушка обращалась как с идиотами – я до сих пор не знаю, чем занимается мой старший дядя. Но больше всего она презирала отца, который окончил хороший колледж, но работал в сфере санитарных услуг. Бабушка всегда говорила мне: величайшая ирония судьбы, что из всех сыновей она приютила ребенка того, который больше всего ее унизил, буквально надругался. По ее мнению, мой отец неудачно выбрал не только работу, но и жену. «Наглая, самодовольная сучка, – отзывалась бабушка о моей маме. – Мне следовало столкнуть ее в реку, еще когда она была беременна тобой».

Лишь спустя долгие годы я узнала, какую непростительную ошибку совершила мамина семья – не отправила бабушке в качестве приданого норковую шубу и сумку, на которые та намекала с момента помолвки. Также мама носила на лице «высокомерное, недопустимое» выражение весь первый год замужества, когда молодая семья была вынуждена жить с ней в одном доме.

На вопросы, почему с ней живу я, бабушка всегда отвечала, что мои родители попросили ее на несколько лет приютить меня, пока отец в Южной Америке. «Понимаете, он менеджер международных проектов, – говорила она. – Они же не могут взять с собой маленькую девочку в полные диких зверей джунгли!»

И вот я подросла и совсем испортилась. Тогда бабушка заявила, что отправит меня в детский дом в другом городе и никто – ни она, ни мои родители – даже не заметит моего отсутствия. «Когда рождается мальчик, девочка становится как холодный рис, – объясняла она. – Пора выбрасывать».

Глаза ее смеялись.

За неделю до приезда моих кузенов бабушка спрятала все подарки тети и дяди. Представить не могу, куда она дела все это добро – должно быть, отнесла в дома своих сестер. Не знаю, родилась ли она такой или ранняя смерть моего дедушки свела ее с ума.

Зато меня восторг накрыл с головой! Мурашки так и бегали по телу, когда я проснулась в день предполагаемого приезда родни. Коротая утренние часы в саду, я представляла себе, как услышу шаги. Но только после обеда, уже сидя дома, я различила за оградой шум машины.

В окно я видела, как они открыли ворота и пошли к дому по каменной дорожке – моя стильно одетая тетя, державшая Хенсика на руках так, словно он младенец, и Сомин в ярко-солнечном платье, прыгавшая с плиты на плиту. Все трое – моя тетя, Хенсик и Сомин – буквально светились, это было видно даже из дома. В счастливых людях есть что-то особенное – их глаза ясны, а плечи расслаблены.

С дядей же все было иначе. Когда он закрыл ворота и посмотрел в сторону дома, по его лицу я тут же осознала: он один из нас. С минуту он стоял на месте, и мне вдруг стало ясно: он не хочет идти дальше.

До сих пор помню солнечное платье моей двоюродной сестры. Оно цветком распушалось от талии – пышно, как ни один виденный мной в жизни наряд, и под стать ему голову Сомин украшал желто-красный ободок с крошечным подсолнухом. А золотые туфельки! Наверное, впервые в жизни я потеряла дар речи от силы одежды.

Пока тетя открывала чемодан с привезенными подарками, бабушка прожигала ее таким взглядом, что сомнений не оставалось: быть беде.

– Можно я покажу Сомин мой огород на территории церкви? – спросила я. Дядя согласился и погладил меня по голове. Он сочувствовал мне – это было написано на лице.

– Он ведь не очень далеко? – спросила тетя, слегка обеспокоившись. – Они сами справятся?

– Это вам не Америка, – стальным голосом отрезала бабушка. – Здесь нет сумасшедших с пистолетами. С детьми все будет хорошо.

– Я тоже пойду! – сказал Хенсик, хватая Сомин за руку.

– Да, вперед, – сказал дядя, глядя на него с такой нежностью, что я отвернулась. Затем дядя встретился со мной глазами, и мы оба всё поняли. Он хотел, чтобы его дети ушли из дома до того, как грянет буря.

– Пойдемте же, – сказала я, подпрыгнув на месте.

К церкви мы направились длинной дорогой, через небольшой холм за домом и несколько магазинов в конце улицы. Я надеялась провести как можно больше времени вне дома – и чтобы как можно больше людей увидели моих дорого одетых двоюродных брата и сестру. Вероятно, подобные мысли я переняла от бабушки. Увы, мы встретили только двоих или троих незнакомых людей, не тех, кого я бы хотела увидеть. Да еще и Хенсик устал.

– У меня ножки болят, – скулил он, пиная обочину. – Я хочу назад к папе. Мне скучно.

Я взглянула на него почти с ненавистью. Все шло не так, как я мечтала! Сомин не очень поддерживала разговор, когда я оживленно рассказывала о монахинях – особенно о своей любимой сестре Марии. Ее больше занимало поведение Хенсика. Он дурачился, то отклоняясь куда-то вбок, то шатаясь из стороны в сторону. «Смотрите, я мертвый слон», – хихикал он, а затем снова начинал ныть.

Вместо того чтобы повесить голос, Сомин тоже смеялась. Я никак не могла понять, почему она все это терпит. Она не выпускала руку Хенсика и, даже когда он вырывался, умудрялась превращать это в игру: «Поймала!» – восклицала она.

Я бросила попытки поговорить с ней и просто угрюмо шла к церкви. Когда мы наконец добрались до сада, я чуть не расплакалась от облегчения. Мой маленький огород находился в

дальнем углу, справа от ручья, и у меня ушло все лето на то, чтобы привести его в порядок, правильно подвязав огурцы, зеленый перец и патиссоны.

– Вот он, – произнесла я, картинно махнув рукой в сторону огорода. Неделю назад сестра Мария добродушно сказала мне, что никогда прежде не видела столько огурцов на одном растении.

– Это и есть твой сад? – Сомин вскинула брови. – И ради этого мы прошли весь путь? Мой сад в Вашингтоне в двадцать раз больше!

Она засмеялась, но, увидев мое лицо, похоже, почувствовала себя неудобно и замолчала. Зато Хенсик рассмеялся вслед за ней и, вырвав руку, помчался в сторону моих огурцов.

– Уи-и-и! – Вопя, он подбежал прямо к самому большому, с которого вот уже несколько дней я не спускала глаз, и схватился за него.

Хенсик не заметил, что огурец колючий. Больно, должно быть, стало не сразу; завизжал мой кузен лишь несколько секунд спустя. Злосчастный огурец он сжимал в ладони все крепче.

Мы с Сомин рванули на помощь. Я оказалась рядом первой и, высвободив руку кузена, потянула его к себе за спинку рубашки. Но Хенсик завизжал громче – и я в испуге выпустила его. Мальчик, споткнувшись, упал лицом прямо на мой огурец.

Развернувшуюся сцену я запомнила на всю жизнь, каждую мелочь – небо, сад, глаза Хенсика, страшные порезы. Эта картина меня преследует. Никак не могу от нее избавиться. Вот Хенсик встает и, безудержно плача, поднимает на нас свое окровавленное лицо: он упал прямо на проволоку, которую я подвязала для огуречных усиков. Вот он касается руками лица и видит кровь на ладонях. Я снова пытаюсь подойти. А он, не переставая кричать, бежит прочь.

* * *

Несколько лет назад, когда я училась на третьем курсе, папа отвел меня в клинику душевного здоровья. Она располагалась в небольшом офисе на втором этаже в Итэвоне, а через дорогу, за густо растущими деревьями, стояла американская база. Тогда в том районе еще можно было встретить проституток и торговцев-лоточников, а ночью случались и убийства. Но только здесь работала горстка психиатров, принимавших наличные прямо на месте и не задававших лишних вопросов о страховке или именах пациентов.

Покружив на машине в поисках парковочного места, отец все-таки остановился на стоянке отеля – нетипично для него. Это означало одно: он смирился с фактом, что ему придется прилично раскошелиться.

Незадолго до этого он узнал, что я прогуливаю занятия, а вместо них провожу все время в комикс-кафе, баррикадируясь от внешнего мира выдуманными историями. Работавшая в супермаркете по соседству дама выдала меня – она жила в нашем офистеле и рассказала отцу, что я постоянно ошивалась на улице, словно бездомная.

У меня не было ответов на вопросы родителей. В итоге на меня просто накричали. «Ты прекрасно знаешь, сколько стоит обучение! – заикаясь от злости, воскликнул отец. – Ты думаешь, у нас деньги лишние, чтобы выкидывать их на ветер?» Моя мачеха лишь раскачивалась взад-вперед с немим укором.

У меня пропало всякое желание заниматься. Моя специальность была несерьезной, как и место обучения. Я не сомневалась, что не смогу найти работу – в пятьдесят пять отцу пришлось уволиться из компании и оставить меня без блата. Так в чем смысл?

«Оставь меня в покое, – хотелось сказать. – К тому же ты мне должен». Но я не проронила ни слова, даже когда он ударил меня по лицу и пригрозил побрить налысо.

Ночью я услышала, как они в спальне тихо обсуждают меня. А спустя неделю отец сообщил, что отведет меня в Итэвон.

– Мне нужно будет говорить по-английски? – спросила я, запаниковав при виде иностранных букв на здании и крупной американки, выглядывавшей из-за двери с надписью: «ДОСТУПНАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ».

– Она говорит по-корейски, – ответил отец. – Я буду ждать тебя здесь. – Он указал на ресторан быстрой еды через дорогу. – Сообщи мне, когда придет время платить.

Я сначала думала удрать, но затем любопытство победило. Ни раньше, ни потом мне не доводилось встречаться с психотерапевтами, и было интересно, на какое волшебство способны такие цены.

Итак, терапевт и я уселись, и целый час она доблестно, ласково парировала. С первого же мгновения, войдя в маленькую комнату в дешевом нейлоновом свитере и выцветших брюках, специалист меня разочаровала – воображение рисовало ее внешность и речь совершенно другими. Ее образ не мог ни вызвать уважение, ни тем более расположить к разговору по душам.

– Поговорим об учебе? Почему тебе не хочется на занятия?

– Я не знаю.

Она заглянула в свою записную книжку за помощью.

– Как думаешь, ты могла бы рассказать мне о том, как ослепила в детстве своего двоюродного брата? Понимаю, это был чудовищный несчастный случай.

– Что? *Нет*.

Отец заплатил за час консультации наличными. Сияя так, будто у него гора свалилась с плеч, он отдал пачку купюр суммой в десять тысяч вон, а я невольно вздрогнула. За такие деньги можно было пройти полный техосмотр. Я слышала, как позднее отец советовал друзьям обратиться за профессиональной помощью: мгновенное решение! Терапевт с американским образованием!

Он не ответил на вопрос секретаря, когда нас ждать на вторую консультацию. Я сказала, что мы позвоним на неделе и выберем время.

* * *

Если спросить, почему я вышла замуж за моего супруга, я отвечу следующее: потому что у него умерла мама.

Я узнала об этом уже на втором свидании (первое было вслепую, там мы и познакомились). Рассказывая о мамином раке мозга, о ежедневной радиотерапии, о метастазах и, наконец, о смерти на больничной койке в окружении детей, будущий муж даже не заметил, как, должно быть, сверкнули мои глаза. Он склонился над тарелкой с пастой, его лицо омрачилось горем. Он говорил мне о ее боли и о своей. А я, словно наэлектризованная, слушала.

На самом деле мое решение предопределило кое-что еще: он выбрал ресторан рядом с *моим* домом, позаботившись о *моем* комфорте. Я была уже на множестве свиданиях вслепую, и вечно мужчины выбирали рестораны рядом со своей работой, или свои любимые бары, или, что еще хуже, места рядом со своим домом. Я поняла: чем лучше кто-то выглядит на бумаге, тем эгоистичнее оказывается на деле.

А этот парень не только был добр, но и потерял маму. Если у нас будет ребенок – а я хочу ребенка, крошечное создание, которое бы полностью принадлежало мне, – она нам не помешает своими советами и нравами. И никогда не сможет отнять его у меня. Слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Видите ли, я давно поняла то, что большинство узнает только после свадьбы: ненависть свекровей к невесткам встроена в гены всех женщин нашей страны. Желчь копится внутри них, кипит, но не выходит наружу, пока сыну не взбредет в голову жениться. Тогда и приходит материнская обида – ее ведь бросили. И злость – она ведь теперь не на первом месте для сына. Я видела это по собственной бабушке, но на самом деле подобное случается вечно.

У всех корейских дорам один сюжет, который я прекрасно понимаю, даже если не понимаю больше ничего. Так я переросла свою тупость и воспользовалась выпавшим мне шансом избежать подобного сценария.

Вот что было для меня важно. По крайней мере, тогда.

Михо

Я просыпаюсь от шума молотящих по крыше капель. После стольких лет жизни в звуконепроходимых студенческих квартирах в Нью-Йорке, построенных еще в довоенные времена, этот шум напоминает мне о детстве, проведенном в многоместных комнатах в «Лоринг-центре». Там моя кровать стояла у окна, и я часто ложилась спать под мелодию дождя, барабанившего по тротуару.

Сейчас я живу в маленьком четырехэтажном офистеле, на строительстве которого явно сэкономили. Здание называется «Цветной дом», хотя выкрашено в серый цвет, а надпись белая. Нигде ни пятнышка другой краски, зато аренда дешевле грязи... но только на нашем этаже. Я не знала, что антипатия к числу «4» – лишь азиатский предрассудок, пока не переехала в Америку: там не любят число «13» из-за какого-то клоуна из фильма ужасов. Или вампира – не помню. В любом случае домовладелец не может спрятать в четырехэтажном здании четвертый этаж так же легко, как, например, в высотках: там просто выкидывают одну кнопку лифта, и тот с третьего едет сразу на пятый. Так что группка девушек, включая меня, живет в двух крошечных квартирках на несчастливом этаже. И все мы благодарим судьбу за почтовый индекс и метро в двух кварталах от дома.

В детстве я не могла даже вообразить, что однажды буду жить в деловой части Сеула с ее мерцающим горизонтом и причудливыми скульптурами, стоящими на страже у каждого небоскреба. Меня все еще удивляет, как спокойно люди моего возраста расхаживают по мраморным лобби с одноразовыми стаканчиками кофе в руках и болтающимися на шее рабочими пропусками.

До переезда в Нью-Йорк моей жизнью был маленький ресторанчик в цветочном поле, а затем – детский дом в лесу. И провинциальная художественная школа в горах.

Однажды Суджин в письме предложила мне жить вместе, и после окончания нью-йоркской стипендии я ухватилась за эту возможность. Подруга покинула «Лоринг-центр» незадолго до меня, и несколько лет мы жадно переписывались, обмениваясь историями о жизни в Сеуле и Нью-Йорке. О прошлом мы почти не говорили.

Суджин сказала мне, что, как и во всех офистелях, у нее тесновато. Обычно офистели – это компактные многоэтажки с сотнями квартир. В ответ я попросила следить, когда освободится какая-нибудь комната. Как только это случится, я тут же забронирую билет на самолет.

Суджин переживала, что после блистательного Нью-Йорка я разочаруюсь, но я ответила ей правду: здание мне очень нравится. Оно словно создано для тех, кто ничем не ограничен.

Здесь в основном живут девушки – за исключением женатой пары прямо под нами. С утра до вечера мои соседки носят чистую, красивую одежду. Думаю, я единственная во всем офистеле не накладываю полный макияж, не окрашиваю и не завиваю волосы. Когда Ара впервые увидела меня, она широко открыла рот и с тех пор при каждой встрече не может не коснуться рукой моих прядей. Я воспринимала это как лесть (обычно люди в Штатах восклицали, что завидуют моим волосам), прежде чем заметила, с каким сожалением она смотрит на Суджин и качает головой, проводя по ним пальцами. «Такие жесткие», – написала она в своем маленьком блокноте.

Моя комната находится вплотную к входной двери, а рядом – лестница. По ней разносится громкое эхо, так что я каждое утро слышу разговоры живущей внизу четы. Они старше меня – им около тридцати, муж до безумия любит жену. А вот она, кажется, всегда где-то там, далеко. «Вонна, мне купить сегодня что-нибудь? – с нетерпением спрашивает он. – Тебе хочется чего-нибудь особенного?» Жена отвечает лишь секунды через три: «Что? Ах, да что угодно», – и тут же по самой громкой в мире лестнице раздаются шаги.

Иногда, поздно ночью возвращаясь из студии, я встречаю сидящую на ступеньках соседку. Она никогда не поднимает голову, пока я прохожу мимо. Хамство, но я уже привыкла.

Я еще немного слушаю звуки дождя, пытаюсь вспомнить, почему этим утром так волнуюсь. Меня осеняет: я же сегодня обедаю со своим молодым человеком, Ханбином, в доме его родителей. Это знаменательное событие. Грядут грандиозные последствия.

На обеде будет его мама, и, возможно – я не могу тратить много времени на тревожные мысли, – папа тоже. Обычно он занят игрой в гольф или встречами с известными людьми из других стран.

– Я хочу показать тебе работу Ищии: на той неделе наконец-то пришла доставка, – сказал Ханбин прошлой ночью, когда забирал меня из университетской студии.

Кажется даже неприличным, что у кого-то дома стоит скульптура рыбы, выполненная Ищии, и этот кто-то может трогать ее, если захочет. Я видела его работу лишь пару раз в жизни, с большого расстояния: в галерее Гагосяна в Нью-Йорке и в Национальной галерее в Вашингтоне. Туда мы смогли попасть, отстояв кошмарную двухчасовую очередь с полным мочевым пузырем. Но Руби захотелось увидеть скульптуру своими глазами.

– Не беспокойся, мистер Чой тоже будет там, – сказал Ханбин, увидев мое лицо.

Он имел в виду водителя матери, который забирал нас несколько раз и всегда был очень вежлив. Я посмотрела на Ханбина с раздражением – на моего привлекательного, уверенного, наивного мальчика, думающего, будто пожилой водитель, который возится с национальным достоянием семьи, станет для меня моральной поддержкой.

– Мне нужно идти работать. – Я поднялась.

Мы сидели в пустом кафе внизу, потому что я не пускаю Ханбина в свою студию. Он не видел ни одной из работ, над которыми я трудилась целый год, вернувшись в Корею.

– Могу я посмотреть? – спросил он. – Глупость, что ты ничего мне не показываешь.

Нахмурившись, я покачала головой и ответила:

– Нет, только не сейчас. К тому же в студии работает еще и моя коллега. Она рассердится, если кто-то посторонний войдет.

Это была ложь. Делившая со мной студию девушка несколько месяцев назад ушла. Да даже будь она здесь, пришла бы в восторг от возможности пообщаться с симпатичным и любопытным парнем чуть старше нас. За работой коллега слишком много болтала (обычно она трудилась над флуоресцентными репродукциями корон и поясов династии Силла, что, по-видимому, не требовало особых умственных усилий), и я была на грани жалобы главе департамента. И вдруг она сообщила, что в другом университете ей предлагают стипендию, превышающую нашу на миллион вон. Девушка хвасталась, явно стараясь уколоть меня. Но едва осознав, что она уходит, я обняла ее от всего сердца. Наверняка такая искренность доставила ей дискомфорт.

– Увидимся завтра, – твердо ответила я Ханбину.

– Я заеду за тобой домой? – спросил он. Он знал, что мне не нравится пускать его в офистель. Я не хочу видеть своего парня в компании других девушек, особенно – соседки.

– Нет, это глупо. Давай встретимся сразу у Кенбоккуна¹³ – там ты меня и заберешь. Зачем тебе ехать на юг? Пустая трата времени.

Вздыхнув, Ханбин взял меня за руку и ответил:

– Ты сводишь меня с ума. Я, должно быть, больной мазохист.

Я ничего не ответила, потому что это, скорее всего, правда. Он вел себя точно так же и с Руби, еще до меня.

¹³ Дворцовый комплекс, расположенный в северной части Сеула. Некогда принадлежал династии Чосон.

* * *

В гостиной моя полностью сделанная из пластика соседка Кьюри смотрит любимую дораму. По макияжу и укладке ясно: со вчерашней ночи она не ложилась. На коленях – гигантская красная сумка «Шанель» из овечьей кожи, и Кьюри гладит ее так, словно это щенок. Взгляд пустых, воспаленных глаз устремлен на телеэкран. Странно: обычно Кьюри хранит свои сумки, словно святыни: надежно завернутыми, в шкафу, и достает только в крайнем случае.

– Красивая, – говорю я про сумку, пока наливаю себе чашечку кофе. – Еще один подарок?

– Да, от моего директора игровой компании, – отвечает Кьюри, не отводя глаз от телевизора. – Разве она не замечательная?

Кьюри ведет подробный журнал подарков. Там она записывает суммы, за которые их продает, и никогда не теряет след дарителя. У нее есть договоренность с одним комиссионным магазином вещей класса люкс на углу Родео-Драйв в Апгучжоне. Там уверены: она отдаст сумки новыми, а Кьюри, в свою очередь, знает, что ей предложат за них лучшую цену в районе. Если вдруг клиент спрашивает о своем подарке, она бежит в магазин и одалживает сумку на ночь – у них в наличии всегда есть идентичные модели. Обычно у мужчин Кьюри просит одни и те же сумки – так легче их отслеживать, да и хранить дома можно лишь одну, продав остальные.

Знаю, любой хоть сколько-нибудь уважаемый человек умрет от ужаса, если будет пойман в компании с ней. Но, в отличие от других салонных девушек, да и от наших ровесниц в целом, она зарабатывает много, и в то же время ей удастся много скопить. Потому ее сложно не уважать. Кьюри, например, ничего не покупает в «Старбаксе».

Ладим мы хорошо – возможно, потому, что редко пересекаемся. Днем я обычно в студии, а она в салоне, работает до позднего вечера. Когда она возвращается, я зачастую или еще в студии, или уже сплю. Правда, один раз, несколько месяцев назад, мы чуть не поругались. Както в выходной мы выпивали вместе, и Кьюри обвинила меня в том, что я ставлю себя выше ее – я красива и без операции.

– Знаешь, просто тебе повезло, что твое лицо сейчас в тренде, – сказала она. Глаза ее затуманились – от злости и количества выпитого. – Но не нужно быть таким снобом касательно операций.

Я возразила, сказав, что не понимаю ее, и тогда Кьюри припомнила то, что я высказала во время совместного просмотра дорам.

– Речь шла о Чон Сеул! И ты сама же согласилась со мной! – воскликнула я. – Ты сказала, что ее новый нос как у Майкла Джексона!

– Нет, я *знаю*, – ответила Кьюри, упав на бок. – Я знаю, о чем ты думаешь. Ты высокомерная сучка.

Она уснула прямо на столе, а я так обиделась, что не отволокла Кьюри в ее кровать. Наутро она даже не помнила нашу ссору и, зайдя ко мне в комнату, спросила, нет ли у меня льда – ночью она упала со стула, заработав на своем дорогом лице шишку.

Но должна признаться: я все-таки чувствую гордость, когда кто-то спрашивает, делали ли мне операцию, а я отвечаю «нет». Глава нашего департамента зашел так далеко, что стряс с меня обещание не отрезать волосы, и теперь я испытываю самое настоящее мучение, когда они бьют меня по талии. Всякий раз, когда я заикаюсь о желании состричь их (да чтоб тебя, глава департамента!), Ханбин собирает мои волосы в руку и начинает говорить о них, словно о находящемся в опасности ребенке. «Я не позволю ей, не переживайте», – тягучим голосом произносит он. А Кьюри даже не читала статьи и обзоры о моей работе, где говорится обо мне как о «художнице с естественной красотой».

– Сегодня запланирован обед с мамой Ханбина у них дома, – вопреки здравому смыслу говорю я Кьюри. – Не знаю, что надеть.

Соседка выпрямляется, и в ее красных глазах неожиданно появляется блеск.

– Правда? Я думала, она ненавидит тебя!

Я строю гримасу.

– Что ж, может, все и сорвется, но таков план. Как думаешь, мое черное платье с длинным рукавом слишком... черное? – спрашиваю я, потягивая кофе.

Кьюри качает головой.

– Не факт, что оно черное. Разве ты купила его не на рынке в Итэвоне? Тебе нужно что-то *по-настоящему* дорогое. Хотя речь скорее о том, как ты держишься в той или иной вещи. Тебе нужна уверенность, что она стоит очень дорого. – Кьюри встает и вешает сумку «Шанель» на плечо так, словно собирается уходить. – Можешь взять что-нибудь у меня! Дай-ка мне посмотреть, что у нас имеется.

Рабочую одежду Кьюри выбирает в магазине, специализирующемся на прокате вещей для салонных девушек. Речь идет о множестве коротких юбок и облегających платьев из полиэстера. Сомневаюсь, что у нее найдется что-то, что я бы надела. Но едва я вхожу в комнату соседки, она тут же достает из шкафа три платья в сдержанном стиле. На них все еще висят бирки универмага «Джой».

Я с восхищением провожу пальцами по платью-футляру кобальтового цвета с высоким воротом. Чей это вкус? Явно же не Кьюри. Она ничего не объясняет, а я и не спрашиваю.

– Думаю, это то, что нужно, – говорит она, держа в руке шелковое платье оливкового цвета с короткими рукавами и шифоновым поясом. – Тут и цвет, и фасон.

Взяв платье в руки, я прикладываю его на себя и гляжусь в зеркало. Да, должна признаться, эта вещь прекрасна. Но от цены на ярлычке меня охватывает дрожь.

– Нет уж. А если я на него что-нибудь разолью?

Кьюри морщит свой прекрасный вздернутый носик.

– Ничего, это и правда важное событие! Хочу, чтобы ты вышла замуж за сына Им Га-йун, а затем все время знакомила меня с известными людьми. – Не замечая ужаса на моем лице, она протягивает мне платье. – Примерь его, а я пока пойду умоюсь. Я должна уже готовиться к кожным процедурам.

С этими словами Кьюри направляется в ванную. Я смеюсь, потому что знаю: она на все лицо нанесет макияж, чтобы медсестры его смывали. Соседка вечно ужасается из-за моих веснушек, отсутствия ухода за кожей и отказа следовать ее десятиступенчатому режиму дважды в день. Суджин нравится сравнивать свои последние купленные маски и сыворотки с ее – у Кьюри в шкафчике для косметики сотня разных баночек и пузырьков. А я даже и вспомнить-то не могу, когда последний раз умывалась перед сном.

Сняв пижаму, я надеваю платье и застегиваю его сзади, когда возвращается Кьюри с поблескивающим от воды лицом. Она помогает мне застегнуться до конца и, садясь за свой столик, спрашивает:

– Ну разве не прелесть? На тебе оно выглядит потрясающе! – Она разглядывает меня через зеркало, под которым размещается коллекция флаконов и масок для лица.

Затем, при помощи пушистой повязки убрав волосы назад, Кьюри начинает обычный ритуал: наносит кончиками пальцев на кожу несколько капель сыворотки. Когда она берет пипетку и наливает на лицо немного жидкости медового цвета, я спрашиваю:

– Что это? – Меня не перестает удивлять, сколько времени она тратит на уход за кожей.

– Ампула с экстрактом стволовых клеток, – небрежно поясняет Кьюри. – Моя кожа этим утром слишком сухая, вчера я перепила. Это средство поможет мне дотянуть до полноценной процедуры в клинике. Может, сходишь сегодня со мной? Так ты будешь выглядеть на все сто. Наверняка у меня получится тебя пристроить, я там любимый клиент.

Искушение велико: кожа Кьюри сияет как настоящее стекло, но одна мысль, что придется неподвижно лежать на столике для процедур, будоражит меня. Я качаю головой. Кьюри взды-

хает, бросает взгляд на мое лицо и, безмянным пальцем нанося капельки крема на область вокруг глаз, говорит:

– Так вот почему ты такая нервная эти дни. Знаешь, я хотела предложить тебе выпить на выходных, просто чтобы взбодриться. Из-за твоей негативной энергии здесь как-то... депрессивно! Так, а что насчет вот этой «Боттега» к платью? – Она достает из шкафа хитро сплетенную сумочку и протягивает ее мне.

* * *

Мама Ханбина, Им Га-йун, всем известна как одна из «Триумвирата» 1970-х: три мисс Корея стали актрисами, снявшись в большинстве фильмов, дорам и реклам того десятилетия. Она была старшей и самой успешной, сыграла знаменательную роль монахини, превратившейся в роковую женщину в известном сериале «Мое имя Стар¹⁴». Говорили, что во время трансляции сериала на дорогах страны не оставалось ни одной машины. После короткого, но разрушительного романа с партнером по фильму она на несколько лет исчезла с телеэкранов, и лишь со временем выяснилась правда: Им Га-йун тайно вышла замуж за младшего сына основателя «КС Групп», второсортного конгломерата, производившего водосборники и нагреватели. А десять лет спустя открыла собственную художественную галерею рядом с дворцом Кенбоккун и заявила о себе как дилер, соединяющий звездный мир Кореи с искусством. Знаменитости шли к ней толпой, желая украсить свои дома. Предполагалось, что Им Га-йун зарабатывала больше, чем ее тесть.

Все это я узнала из интернета и женских журналов, жадно читая статьи и сплетни о семье Ханбина. Заголовки варьировались от «Им Га-йун с супругом купили землю на острове Чеджу» до «Им Га-йун завывает знаменитостям цены» или «Обвинения со стороны осведомителя “КС Групп”: посадят ли шурина Им Га-йун за решетку?» Обычно статьи сопровождалась снимками папарацци, где Им Га-йун в зимних шубах и очках выходила из машины рядом с галереей.

Я видела ее уже несколько раз. Впервые – в Нью-Йорке, в день выпуска Ханбина из Колумбийского университета. После возвращения в Корею Ханбин дважды заманил меня в ловушку: в первый раз взял меня в аэропорт встречать ее после бизнес-поездки в Гонконг, а во второй на свой день рождения устроил нам обед втроем в ресторане отеля «Рейн». В первый раз она сказала мне лишь «Здравствуй» и «До свидания», односложно отвечая на вопросы Ханбина в машине. Во второй, за обедом, Им Га-йун мягко задавала мне вопросы о семье, давая понять, что уже все знает сама и мне не нужно даже пытаться облагородить себя. «Итак, сколько лет тебе было, когда ты в последний раз видела родителей?», «А твой дядя, он владел... фуд-холлом для таксистов?» (здесь она содрогнулась) и козырь: «Как же здорово, что в наше время появилось столько возможностей для людей вроде тебя. Эта страна начала подавать большие надежды».

Знаю, можно было бы обидеться или разозлиться, но в качестве привычной маски некоторое время назад я выбрала веселость. Там, в Нью-Йорке, Руби как-то сказала мне одну фразу:

– Богатые люди очарованы счастьем. Оно сводит их с ума.

* * *

Я останавливаюсь возле универмага «Джой», чтобы купить миниатюрные орхидеи в цветочном отделе на первом этаже. Здесь они в десять раз дороже, чем на рынке рядом с моим домом, зато горшочек украшает логотип «Джой». Когда мы с Ханбином встречаемся возле

¹⁴ Star в переводе с английского означает «звезда».

ближайшей к нему станции метро, он видит у меня сумку из магазина и говорит, что не стоило покупать подарок. Но судя по глазам, одобряет.

Изумительный современный дом Ханбина – с наклонной крышей, весь из серого сланца и стекла – стоит за высокой каменной стеной на вершине живописного холма в Сунбукдоне. Когда открываются ворота, мое сердце замирает, а дух захватывает. Ханбин рассказывал мне лишь о неудобствах – что зимой внутри холодно, что туристы и журналисты бродят вокруг, стараясь заглянуть за ворота, и что друзья известного голландского архитектора, которому этот дом заказали, названивают с целью узнать подробности. Дом напоминает о японских музеях, которые я изучала в школе, с их строгими линиями и приглушенной красотой. Но только стоя на лужайке – покажите мне хоть один дом в Сеуле, вокруг которого растет *настоящая зеленая трава?* – я понимаю, что сейчас почти презираю Ханбина. А уж его маму – и подавно.

Кажется, в доме белых цветов больше, чем в саду. Множество необычных сосудов с орхидеями и пионами украшают все вокруг, и я печально смотрю на свой жалкий горшочек.

– Я доложу вашей маме, что вы уже пришли, – говорит мужчина, открывший нам дверь. Он кланяется, берет мое пальто и протягивает мне пару кожаных тапочек из мраморного шкафчика для обуви. Несмотря на формальную речь «дворецкого», он одет довольно просто – в футболку с длинным рукавом (в полосочку!) и помятые брюки цвета хаки. Я-то ожидала увидеть костюм или форму.

– Все в порядке, я сам поднимусь и скажу ей, – отвечает Ханбин, просит меня подождать в гостиной слева от фойе, а сам направляется по коридору направо.

Высотой потолков и размером – с баскетбольное поле – гостиная напоминает пещеру. В каждом углу громоздятся стулья и журнальные столики. В центре переливается скульптура рыбы Ицши высотой со слоненка – она прекрасна. На стенах – работы современных японских художников: Цунода, Охира, Сакураи. Я сажусь в дальнем углу, рядом с еще одной, крошечной скульптурой Ицши цвета грозового облака.

Открывший нам мужчина приносит чай на подносе. В чашке – маленький лилово-розовый цветок, который при погружении в воду раскрывается. Мужчина молча поправляет цветы на кофейном столике, и я осознаю, что Ханбин не ошибся: мистер Чой, водитель, стал бы для меня хорошей моральной поддержкой, будь он здесь. Но его нет.

– Мама не очень хорошо чувствует себя сегодня, потому будем только мы, – сообщает Ханбин, направляясь ко мне. – У нее ужасно болит голова, и она не может встать с постели.

Говоря, Ханбин смотрит слишком серьезно, словно заставляя себя не отводить глаз. Либо он лжет, либо думает, что лжет мать. Мое сердце начинает бешено колотиться, по венам будто разливается яд. Ханбин не уточняет, что его мать извиняется за свое отсутствие.

– Какой кошмар. Надеюсь, скоро ей станет лучше. – Ну а что еще тут можно сказать?

Мы смотрим на остывающий чай, потом Ханбин прочищает горло.

– Пока готовят обед, я покажу тебе сады. Если ты, конечно, не хочешь торт или тток. Ты голодна?

Я качаю головой. Ханбин, взяв мою руку, ведет меня на улицу через фойе. Заметив двух одетых в форму женщин, смотрящих на меня из дверного проема, я резко отворачиваюсь. Вот мы уже у двери, и мужчина, который впустил нас, словно из ниоткуда появляется с нашими пальто.

Сады вокруг дома – это целая серия миниатюрных пейзажей. Больше всего мне нравится притаившаяся в глубине роща, тщательно продуманный лабиринт из подстриженных сосен. Хвойный аромат успокаивает мои нервы. Сквозь деревья открывается другой вид – на разбросанные по холму особняки. Под ними простирается целый город.

Ханбин идет впереди, наклоняясь под низкими ветвями. Мое сердце горит. Это уж слишком: их дом, его мать, искусство на каждом шагу. Да о чем он думал, приглашая меня сюда?

– Вон там живет бабушка. – Ханбин указывает на белый двухэтажный дом вдалеке. Он в западном стиле, вокруг розарии и хвойные деревья. Его бабушка по отцовской линии находится на грани слабоумия и все чаще обвиняет слуг в кражах. – А там дом отца Руби...

Я поворачиваюсь в указанную сторону. Их дом – справа от особняка бабушки Ханбина. Даже издали он кажется темной, угрюмой крепостью, а сады напоминают зловещий ров. Но, возможно, этот образ всплывает в моей голове вместе с шепотом Руби.

Мы стоим, не произнося ни слова. Наконец, Ханбин первым разворачивается и направляется назад.

После мучительного обеда, поданного двумя безмолвными мужчинами в эффектной, залитой солнцем столовой, я прошу Ханбина подбросить меня до студии. Он не возражает, хотя знаю: ему хотелось бы посмотреть фильм. В машине мы едем молча.

– Могу я войти? – снова спрашивает он, останавливаясь напротив арт-студий университетского кампуса.

– Однозначно нет, – отвечаю я, быстро целую его и выхожу из машины. – Даже не знаю, почему ты все время спрашиваешь.

Нахмурившись, Ханбин уезжает.

* * *

В студии меня охватывает огромное облегчение – как всегда, стоит лишь перешагнуть порог. Завязав волосы, я иду в уборную, чтобы надеть рабочую одежду и аккуратно повесить платье Кьюри на дверь.

Бешеный стук сердца стихает, едва я беру свои маленькие стамески и сажусь на рабочее место. Я пытаюсь воплотить сцену, которую так отчетливо вижу в воображении. В ночном море в лодке сидит девушка. Она склонилась над водой, ее лицо закрывают длинные волосы, на ней прозрачное ночное платье, а безымянный палец левой руки украшает кольцо с кроваво-красным рубином. Что-то в воде приковало ее взгляд.

На прошлой неделе я начала вырезать ее из гипса. Лицо оказалось самым простым; больше всего времени займет работа над волосами. Думаю, море я сделаю из страусиных перьев, а лодка будет настоящей, деревянной, скорее всего, с выцветшей красной краской.

После нескольких часов резьбы приходится отложить стамеску – нужно поработать над акварелью. Хочу передать то, что у меня в голове, прежде чем забуду какую-то деталь, хотя такую потерю трудно даже представить. Это будет шестая работа из моей серии, посвященной Руби. Другие пять – картины и скульптуры – хранятся в дальнем уголке студии, в густой тени. Конечно, это жалкие отголоски того, что творилось тогда у меня в голове. Но они закончены настолько, насколько позволяет сегодняшний день.

Под моей кроватью, в коробке из-под обуви, прячется стопка черно-белых фотографий – моя первая серия работ о Руби, если можно так выразиться. Больше всего мне нравятся ее фото в белой меховой шубе – забавной, из стриженной норки, с шелковой подкладкой кремового цвета. Образ дополняет соответствующая шапка. Руби стоит на ступенях университетской библиотеки (как же я скучаю по зиме в Нью-Йорке!), вся в кружащемся снегу, а в окнах мерцают огоньки. Под шубой – угольно-черное платье до колен, чулки и опасные высокие каблуки. Руби выглядит счастливой, и в ее глазах отражается редкая, такая странная улыбка.

Мы тогда направлялись в галерею на вечер-открытие и решили заглянуть в библиотеку: узнать, есть ли у них книги об известном немецком художнике, рисующем березы в неоновых цветах. «Все, что нам нужно, – это введение», – властно сказала Руби, проводя пальцем по корешку книги, которую мы нашли в европейском крыле. Она дважды пробежала введение глазами и заставила меня запомнить три самых известных картины художника.

Той ночью Ханбин зашел за нами в библиотеку. Или мы встретились в галерее? Неважно, он все равно забирал нас в основном ночами и однозначно присутствовал на той выставке. Он купил картину для Руби и удивил ее месяц спустя, в день рождения. На вечеринке он прошептал мне на ухо, что это была самая дешевая из представленных на выставке работ. Но Руби очень любила ту флуоресцентную березовую рощу, пронизанную шокирующими розовыми и желтыми линиями, в толстой золотой рамке и с ее подписью. РУБИ СО-ВОН ЛИ.

Интересно, где сейчас эта картина? Быть может, висит в доме ее отца? Или припрятана где-нибудь в шкафу, вместе со скелетами?

Как-то раз о младшем брате Руби написали статью – в американских новостях, не корейских. Его стартап, связанный с арендой необычных авто, только-только получил финансирование от второй по величине фирмы по венчурному капиталу в Сан-Франциско. Все это до сих пор кажется мне загадочным: зачем вообще Му-чеону понадобилось финансирование, почему он работал в Америке над чем-то столь несерьезным и что случилось с юридической школой? Но когда я задала эти вопросы Ханбину, он пожал плечами, ответив: «А почему бы и нет?» По мнению Ханбина, финансирование было необходимо скорее для привлечения внимания, да и инвесторы Силиконовой долины, возможно, нуждались в связях Му-чеона больше, чем он нуждался в них. Незаконнорожденный сын остается наследником – сильным и опасным; это приз, за который будут сражаться еще долгие годы.

Лучше всего я помню, как Руби бездельничала на своем белом диване, в квартире в Трайбека. Она гладила пальцами украшение, купленное в тот день, а окружало ее множество невероятных вещей. Прирожденный коллекционер с невообразимым вкусом, она способна была создать гармонию из несочетаемых мелочей. Мы ходили в антикварные магазины, и домой она тащила нелепые, экстравагантные, интригующие безделушки – то вековую шкатулку для драгоценностей из черного дерева, то чайные чашки с золотой каемкой из России, то угрюмую куклу девятнадцатого века с кудрявыми волосами оттенка «пепельный блонд» и целый гардероб изысканных миниатюрных платьев. Но оказавшись у Руби в квартире, все эти вещицы тут же преобразались, словно здесь и выросли из некогда посеянных семян красоты. Коллекция подпитывала часть меня – ту, о которой я даже не подозревала. Меня охватывало страстное желание прикасаться к этим предметам, любоваться и наслаждаться ими. Руби замечала это и не возражала. В ее голове уже сложилось твердое мнение обо мне как о художнице, создательнице, поклоннице красоты. Я преклонялась, теща таким образом ее коллекционерское тщеславие.

– Покупка кучи дорогуших вещей еще не делает тебя коллекционером, – высокомерно произнесла она, читая однажды статью в «Таймс» об актуальных потребительских привычках «новых богатых» в Китае.

Я понимаю, что она имела в виду. Ее вкус был не совсем даром свыше – скорее, он походил на инстинкт, такой же естественный, как ее меланхолия или подозрительность.

С ними – с Руби, Ханбином и их друзьями – я познакомилась в США. Отправиться на учебу в Школу изобразительных искусств в Нью-Йорк было для меня чем-то немислимым. Первый полет на самолете, первый выезд за пределы страны, первый выход из-под безопасного крова «Лоринг-центра», первая звезда на моем пути. Потрясений ждало немало, но больше всего меня поразило количество корейцев, чувствующих себя как дома на улицах, в кафе и магазинах Нью-Йорка, в коридорах и кабинетах Школы изобразительных искусств. Для них обучение за границей и самостоятельные путешествия были обычным делом. А некоторые вели такой образ жизни с самого детства.

Я попала туда по стипендии от Школы изобразительных искусств при «СеолИм». Собираясь туда по приему на работу в свою галерею, Руби нашла это удивительным. Я не пони-

мала, почему она смеялась, пока другая приехавшая по той же стипендии девушка несколько месяцев спустя не поделилась интересной информацией: отец Руби – Лим Цзунь Мен – генеральный директор «СеоЛим Групп» и один из самых известных в стране людей. Руби и Мучеон младше других его отпрысков на два десятка лет и, по слухам, незаконнорожденные; их мать – кто-то из секретарш Лим Цзунь Мена.

На вакансию я откликнулась по объявлению, найденному на доске в нашем здании. Этот заброшенный стенд лишь изредка обновлялся предложениями услуг няни – их прикрепляли наши преподаватели, испытывавшие нехватку денег. Мне нужна была работа: стипендия покрывала мое обучение, проживание и билет на самолет, но не больше. Объявление на корейском языке стало для меня лучом надежды. Я сорвала его и ушла в комнату, чтобы изучить детали.

Оно привлекало внимание не только текстом, но и внешним видом – плотная бумага оливкового цвета, золотое тиснение. Больше напоминало приглашение на свадьбу, чем студенческую листовку.

«Для открытия новой галереи требуется арт-ассистент, – говорилось в заголовке, а ниже маленькими буквами значилось: Глубокие знания в области современного искусства и свободное владение корейским и английским языками будут преимуществом».

Бряд ли на должность было много претендентов, но как же я радовалась, когда наряду с четырьмя другими студентками из разных университетов Руби выбрала и меня. В мои обязанности входила разработка дизайна каталогов, листовок и открыток для галереи. Меня напугали затраты на одну только печать, но Руби оплатила их, даже не взглянув на счета, которые я нервно ей предоставила.

Около трех недель наша маленькая группа работала по ночам. Руби и я оставались обычно до последнего – я помогала ей со срочными делами, вплоть до того, что бегала за кофе и круассанами, которые, конечно же, покупала на кредитную карту Руби. Другие девушки старались с ней подружиться, но вне работы она держалась холодно и отвечала односложно. Девушки негодовали. Я не замечала всего этого, пока не узнала, что эти трое – из богатых семей и деньги им не нужны. Они устроились в галерею, чтобы только познакомиться с Руби.

Иногда во время работы я просто не отрывала от нее глаз. Неважно, чем Руби занималась, – выглядела она ошеломительно. Из макияжа она наносила лишь губную помаду, хотя я подозревала, что ее стрелки – татуаж. Одежда поражала прекрасным сочетанием стиля и необычных цветовых комбинаций. Голос у Руби был низкий, а странная улыбка возникала на лице лишь иногда, словно всполох кометы.

– Декан любит ее за все жертвования папочки, – сказала одна из учениц Школы дизайна Парсонс после просьбы Руби поработать в одно воскресное утро. – А сделал он их только из-за того, что она не прошла в Стэнфорд, как остальные члены ее семьи.

– Слышала, это стало величайшим позором. Туда поступали даже родственники знакомых семьи «СеоЛим», – ответила другая, учившаяся в Школе искусств Тиш. – Тогда она собралась в Йельский университет, но там учиться бывшая ее парня, и Руби со злости поступила сюда.

– Нет-нет, это из-за скандала с наркотиками в Эшби, – сообщила первая, махнув волосами. – Руби должны были выпереть, но ее отец отстроил им новый тренажерный зал, и ей позволили окончить учебу. Моя двоюродная сестра учится в Эшби. Она сказала, что зал обошелся в двадцать миллионов долларов, к тому же он оснащен последними технологиями «СеоЛим».

Руби зашла в комнату и, осмотревшись, заметила меня.

– Михо, могла бы ты помочь мне с листовками? – Больше никому не сказав ни слова, она удалилась, и я с некоторым удовлетворением заметила досаду на лицах других девушек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.